

СУМОHA ВУЛАР ПРИНЦЕССА ВУКИНГОВ

НОРМАНДСКАЯ ЛЕГЕНДА

Нормандская легенда

Симона Вилар

Принцесса викингов

«Автор»

1996

Вилар С.

Принцесса викингов / С. Вилар — «Автор»,
1996 — (Нормандская легенда)

Честь для викинга Ролло всегда была превыше всего, даже любви. Да и что значит для него рыжеволосая строптивая пленница, если, согласно предсказанию, он должен стать могущественнейшим правителем? А поможет ему в этом младший брат Атли, ведь именно для брата и привез Ролло дерзкую девчонку, о которой теперь сам думает не переставая... Колдовство и интриги, мрачный колорит раннего Средневековья и искрометный юмор героев, любовь-вражда и благородное самоотречение – все это в историко-приключенческом романе «Принцесса викингов».

© Вилар С., 1996

© Автор, 1996

Содержание

1	5
2	21
3	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Симона Вилар

Принцесса викингов

Нормандская легенда. Книга 2

1

909 год от Рождества Христова

Окно в башне было открыто. Время от времени порыв ветра хлопал ставнем, врываясь в покой. Там внутри, на небольшом подиуме стояло роскошное ложе, с вырезанными в изголовье лошадиными головами. Пушистый песцовый мех покрывал его сплошной серебрящейся массой, спускался к плитам пола пышными хвостами. Здесь, у коротких точеных ножек ложа, валялось скомканное второпях платье из блестящей парчи и тяжелая мужская одежда из кожи, грубые сапоги со шнуровкой, мощный меч, в рукояти которого кровавым огнем рдел рубин. А на ложе, сплетаясь в жарком объятии, ритмично двигались два обнаженных тела.

Наконец мужчина глухо застонал сквозь зубы, и тотчас ему ответила женщина – коротко взвизгнув, она изогнулась, – и опала, погрузившись в мех, урча как дикий зверь.

Теперь они лежали, тяжело дыша, и лишь холодные порывы ветра, влетающие в узкое окно, сливались с их дыханием. Мужчина приподнялся на локтях и откатился, перевернувшись на спину. Закрыв глаза, он еще какое-то время лежал, успокаивая дыхание. На светлом фоне серебристого меха его мускулы выделялись особенно рельефно, мощная грудь вздымалась. Приподнявшись, женщина с тихой полуулыбкой взглядела в него. В этой улыбке светилося торжество. Мелкие, как у хищника, зубы блеснули сквозь полуоткрытые чувственные губы. Глаза были необычные – широко расставленные, миндалевидного разреза, один – светло-голубой, другой – блестящий, аспидно-черный.

– Сама Фрейя¹ кружит нас, не так ли, Рольв?

Она провела рукой по его резко очерченному лицу, по сильному подбородку, шее, запустила пальцы в разметававшиеся русые волосы.

– Что? – не открывая глаз, спросил он.

– Я говорю, что боги создали нас друг для друга.

И словно не веря в сказанное, женщина спросила:

– Ты любишь меня как прежде, Рольв?

Он чуть улыбнулся.

– Порой ты смешишь меня, Снэфрид. Я провел с тобой три дня и три ночи после похода на Бретань. Мои люди заждались меня, а ты все еще спрашиваешь, люблю ли я тебя. Разве я не доказал это?

Он говорил сонно, не открывая глаз, и от этой его медлительности кровь вновь закипала в её жилах. Она вновь хотела его. Ей было мало. Всегда. Подчас ей казалось, что она готова загрызть его, как волчица, лишь бы он не принадлежал более никому.

– Довольно, – вдруг резко проговорил Ролло, когда она вновь начала ласкать его. Отведя обнимавшие его руки, он встал. – Не сердись, Снэфрид, мне пора возвращаться.

Он подошел к окну и потянулся всем телом навстречу ветру, разметававшему его длинные волосы. Он был очень высок, тяжелые мускулы, словно змеи, сплетались под блестящей смуглой кожей. Снэфрид зарылась лицом в мех, чтобы не видеть его, чтобы побороть искушение броситься, обвить его, прижаться всем телом.

---

¹ Фрейя – в скандинавской мифологии богиня любви.

Когда она справилась с собой, он по-прежнему стоял у окна. Она знала, куда устремлен его взгляд. Отсюда, с возвышенности, где располагалась эта башня, город её мужа был виден как на ладони. За эти дни, проведенные в её объятиях, и страсть, и нежность прискучили Ролло. Его энергия требовала иного выхода – там, в городе, на который он глядел, на земле, которую он покорял для себя. Снэфрид понимала это, но не могла удержать тоскливого вздоха. Она снова должна остаться в одиночестве, созерцая из башни чужие ей земли, которые отнимали у нее мужа, глотая ветер и томясь ожиданием.

Словно прочитав её мысли, Ролло сказал:

– Не сердись, моя Снэфрид. Но мне пора.

Женщина порывистым движением встала. Она была рослой, гибкой, но и очень сильной: длинные мускулистые ноги, крутые бедра, плоский живот никогда не рожавшей женщины. Грудь её была высокая и округлая, с голубыми прожилками вен и розовыми крупными сосками. А плечи, руки, спина – как у воина, так и бугрились под напором мышц. Однако пленительную женственность ей придавали роскошные светлые волосы, окутывающие её, как облако, ниспая почти до колен и завиваясь на концах пышными кольцами.

Беззвучно приблизившись, женщина стала подле Ролло. Но он не повернулся к ней, продолжая глядеть вдаль, чуть шурясь от ветра, который принес с собой запахи умирающей зелени и легкие, блестящие паутинки. Ветер гнал по небу осенние облака, а под ними, то вспыхивая на солнце, то покрываясь сумрачной тенью, уходила в туманную дымку у горизонта великая река франкских земель – Сена. Пересекая просторы необъятной равнины, усеянная многочисленными островками, она описывала сверкающую сталью дугу, над которой темной зубчатой массой высился город.

На него-то и глядел викинг, позабыв о стоящей рядом прекрасной нагой женщине. Это была его столица, которую он поднял из руин и пепелищ, доставшихся ему восемь лет назад. Понадобились почти титанические усилия, чтобы, несмотря на нескончаемые войны, которые ему приходилось вести с франками и со своими соотечественниками, вдохнуть жизнь в это скопище обгорелых камней и жалких глинобитных лачуг. Старый город Ротомагус, который викинги называли Ру Хам, – усадьба Ролло, или Ру – так именовали своего правителя-чужеземца вернувшиеся в эти края франки, переделав и скандинавское Ру Хам на свой лад – в Руан. И теперь каменщики, свезенные викингами отовсюду, восстанавливали городскую стену, возводили дома, отстраивали христианские храмы, прежде разграбленные и опустошенные.

Ближайшим советником язычника Ролло стал христианский епископ Франкон, первым признавший власть конунга и даже просивший его сохранить то, что осталось от бывшего Ротомагуса. И язычник оправдал упования епископа: он взял город под свою защиту, вернул в него людей, собрал мастеров и принялся восстанавливать. И сейчас, когда Ролло глядел на вздымающуюся над рекой линию каменных укреплений, на покатые кровли многочисленных жилищ, на мачты выстроившихся у пристани кораблей, даже на кресты церквей христиан, он испытывал удовлетворение, а его серые глаза светились гордостью.

Иначе относилась к этому городу Снэфрид. Она не пожелала даже жить в нем, предпочтя устроить свое обиталище в стенах старого монастыря на холме за чертой Руана. Ролло часто навещал её здесь, и ей удавалось удерживать мужа у себя по несколько дней. Для Снэфрид этот город олицетворял собой все то, что отнимало у нее мужа. У Ролло в Руане были соратники, власть, неисчислимые заботы. Именно ради этого он покинул когда-то свою северную родину, этот город воплощал его мечту о господстве, которая для него всегда была важнее привязанности к жене.

– Мне пора, – снова произнес викинг. – Хочешь, поедem вместе?

Снэфрид отрицательно покачала головой.

– Нет. Я предпочитаю уединение, ты же знаешь. Город грязен, шумлив, смраден. А я люблю покой и ветер.

– Ветер, – повторил Ролло и зябко повел плечами. – Дыхание богов. Здесь его хватает.

Он вернулся к ложу, собрал одежду и стал одеваться. В покое, несмотря на проникавший в окно свет дня, было сумрачно. Массивная колонна посреди помещения поддерживала полукруглые арки свода. Близ нее стоял накрытый стол, поблескивали кубки и кувшины с элем и местными винами, пахло жареной дичью, на блюдах громоздились всевозможные фрукты. Снэфрид старалась, чтобы Ролло, находясь у нее, ни в чем не испытывал недостатка. И сейчас, когда одевшись конунг уселся за стол, он с невольной нежностью подумал о жене.

Он видел, как Снэфрид, натянув длинную рубаху из тонкого льна, гибко скользнула в шуршащее парчой платье. Она всегда двигалась неторопливо, словно бы нехотя, а свой неистовый темперамент проявляла только на ложе, да еще в набегах. В бою светловолосая валькирия² Снэфрид не уступала мужчинам. Кто мог подумать, что эта медлительная, как бы погруженная в полудремоту женщина, что сейчас склонилась над его мечом, сильна и быстра как молния, а вид крови рождает в ней пыл, сходный с бешенством берсерков.³

Поглядывая на жену, Ролло разломил куропатку и впился в сочную мякоть зубами. Он видел, как нежно касается рукояти его меча Снэфрид.

– Глитнир, – тихо назвала она оружие по имени, поглаживая рукоять, словно лаская её. – Жало брани, зверь щитов, луч сечи⁴. Я рада, что ты вернул его себе. Это хороший друг. О, как он пил росу смерти⁵ в походах!

Она с улыбкой взглянула на мужа.

– Славное было время, когда наши морские кони разрезали кровлю обиталища рыб, и не было берегов, где бы мы ни бросали свой якорь!

Ролло знал, что она тоскует по набегам, по той поре, когда они вели жизнь морских викингов, еще не ведая, что когда-либо осядут в стране франков. Но то время ушло. Снэфрид порой принималась просить его покинуть эту землю, которую невзлюбила с первых дней. Он же быстро пустил здесь корни и теперь считал её своей.

Не глядя на жену, Ролло проговорил:

– Мне удалось вернуть Глитнир лишь в Нанте, где старый Гвармунд пытался укрыться от меня. Смешной! Я ведь сказал, что верну свой меч, а этот бедолага надеялся, что не заплатится за то, что посягнул на оружие, принадлежащее роду Пешехода.

– Я знаю. Ведь ты привез голову этого старого негодяя. Почему ты не показал её мне?

Ролло молчал. Тогда Снэфрид сказала:

– Слышала я, что ты велел передать её рыжей Эмме, племяннице герцога Роберта. Но мой бедный разум отказывается пояснить мне, зачем христианке такой подарок?

Ролло, не отвечая, жевал. Но Снэфрид смотрела на мужа своими разноцветными глазами, и он наконец ответил:

– В Бретани я оказался пленником Гвардмунда и его сына Герика. Там же была и эта рыжая христианка. И она должна убедиться, что я никогда не оставляю не исполненным то, что обещал, и всегда отвечаю новым ударом на поражение.

– Вот как? Тебе так важно было убедить в этом франкскую девушку?

Ролло налил в кубок вина и выпил, так и не ответив. Всегда, когда речь заходила о девушке, привезенной им для младшего брата, между ним и Снэфрид возникала напряженность.

Ролло стало легче, лишь когда он увидел, что его жена отвернулась и стала перебирать привезенные им подарки: золотые браслеты, ажурные ожерелья, ткани, меха. Она ласково

---

² Валькирия – в скандинавской мифологии воинственные девы, уносящие в небесные чертоги богов души героев.

³ Берсерки – неистовые воины.

⁴ Торжественное скандинавское иносказание (кенинг), означающее «меч».

⁵ Кровь.

гладила связки беличьих шкурок, улыбаясь разглядывала снежно-белых горностаев, дула на пушистый огненно-рыжий мех лисы. Почти такой же яркий, как волосы его пленницы, франкской принцессы...

Ролло повезло, что девушка оказалась у него в плену. Ее звали Эмма, в ней текла кровь правителей Франкии, и благодаря ей Ролло выторговал у ее родича Роберта Нейстрийского мир на весь этот год. Хорошая сделка. И хорошо, что эта малышка живет в его владениях. Ролло улыбнулся, вспомнив ее огненную гриву, выразительные брови и гневный взгляд темно-карих огромных глаз, глубоких и искрящихся.

Неожиданно он вздрогнул, заметив, что Снэфрид наблюдает за ним. Ему порой казалось, что его жена догадывается, что значит для него эта рыжая пленница. Не просто племянница могущественного Роберта Нейстрийского, но и юная дева, которой ему все время словно хотелось что-то доказать. Причем думал он про эту рыжую Эмму куда чаще, чем хотел себе признаваться.

А вот Снэфрид словно видела его насквозь, словно могла своими разномастными глазами увидеть в его душе даже то, что он скрывал от себя. Люди Ролло часто называли ее Белой Ведьмой, но только между собой, ибо знали, что их конунг гневается, когда слышал это. Для него же было важно лишь то, что Снэфрид любит его и верна ему.

А вот рыжая Эмма... Она как дикий зверек, которого он так и не смог приручить. Хотя она забавляет его. А еще является ценной заложницей. Ее дядя герцог Роберт никогда не посмеет рискнуть жизнью единственно уцелевшей дочери обожаемого брата – покойного короля Эда.⁶ Поэтому и согласился на перемирие, предложенное Ролло, поставив единственное условие – чтобы никто не узнал, что Эмма, которую Ролло отдал своему младшему брату, происходит из могущественного рода Робертинов. А по матери еще из династии царственных Каролингов. Поэтому и поныне для всех она всего лишь Эмма из Байе, Птичка, которая волшебю поет. Рыжеволосая франкская красавица, на которой вскоре должен жениться его брат, ибо Атли куда лучше, чем самому Ролло, удастся приручить эту строптивую. Поэтому конунг больше не станет думать о ней и сам вручил её брату. А у него есть Снэфрид Лебязьебелая, – его валькирия, перед красотой которой бессильно даже время.

Ролло вновь отхлебнул светлого легкого вина. Он давно пристрастился к напиткам этой страны, предпочитая их меду и браге старой родины. Полюбил он и местный яблочный сидр, местные душистые сыры и сладкие оладьи. Ему понравилось жить в каменных домах, сидеть за высокими столами и никогда он не сожалел о дымных очагах земли фьордов, откуда был родом. Теперь его землей стала Нормандия, и он впитал в себя ее обычаи. Вот только веру местных христиан не желал принимать. Хотя и не мешал здешним людям молиться так, как им угодно. А сам по-прежнему заходил на капище, где стояли изваяния великого отца побед Одина, отчаянного громовержца Тора, подателя плодородия Фрейера.

А вот Снэфрид так и не стала здесь своей. Она обосновалась в длинном строении бывшего монастыря, но на стенах здесь она развесила ковры с привычными в Скандинавии змеями, с вытканым мировым змеем Йормунгандом, вцепившийся в свой хвост. Но сейчас прекрасная финка стояла не перед ним, а перед круглым диском бронзового зеркала, и примеряла длинные звенящие серьги.

Ролло мягко улыбнулся. Его жена была красивой женщиной. Эта финка была статной и величественной, и такой же соблазнительной, как и тогда, когда очаровала его, еще совсем мальчишку, в далекой земле, которую разрезают длинные фьорды северного моря. Там Снэфрид была избранницей могущественного короля, но предпочла не надежное положение подле

⁶ Король Эд (888–898) – король франков из рода Робертинов. Не имея династических прав на трон, все же добился престола после того, как отстоял от викингов Париж. После его смерти на троне вновь оказался представитель древнего рода Каролингов – Карл Простоватый, действующее лицо романа.

знаменитого Харальда, а смутную судьбу юного Ролло. И он никогда не забывал, на что она решилась ради него. Другое дело, что прекрасная Лебяжьебелая так и не понесла от него ребенка... А правителю нужен сын и наследник.

Но Ролло уже решил: никогда он не откажется от нее и она всегда останется его женой. Ведь все эти годы Снэфрид была ему верной подругой, советчицей, пылкой возлюбленной. Отчего же теперь он чувствовал, как растет отчуждение между ними? Их связала плоть, ибо ни одна женщина не дарила ему таких наслаждений, как эта светлокудрая валькирия, однако души их словно существовали порознь.

Порой Ролло чувствовал, как одна его часть стремится бежать от этой женщины, а другая страстно жаждет её. Епископ Руанский Франкон как-то заметил, что Снэфрид, похоже, опоила Ролло любовным зельем. Чушь! Разве его жена не достаточно хороша, чтобы пленить мужчину без всяких чар? Ведь он не единожды видел, как восхищенно глядят на нее его викинги, и гордился ею. Ему нравилась даже тайна, окутывавшая Снэфрид. Она жила уединенно, её жизнь оставалась закрытой даже для него.

У Ролло были дети от других женщин, но он не приблизил к себе ни одного из них. Пусть живут, как знают, он позаботится о них и их матерях, но держал в отдалении. Ибо иначе это оскорбит Снэфрид, сделает ей больно. Он помнил случай, униживший его Лебяжьебелую, когда одна из его любовниц принесла во дворец Ролло ребенка. Тогда он поклялся жене, что больше подобное никогда не повторится. А его слову можно было верить.

Ролло пообещал Снэфрид, что его владения перейдут к Атли и его потомкам. И добавил: – Только прими совет, жена, и постарайся наладить отношения с моим братом.

Однако что-то у них не ладилось. Ни Атли не стремился проявить свое расположение к Лебяжьебелой, ни она не выражала приязни в болезненному юноше.

Ролло это огорчало. Он и сейчас сказал:

– Я хочу навестить Атли. Ты поедешь со мной?

Он хотел еще добавить что-то, но замер, увидев, что Снэфрид достала из сундука с подарками ажурный венец светлого золота с рядом молочных жемчужин по ободу. Прекрасное украшение, да еще в зубьях трилистников венца так красиво мерцают желтые топазы. Снэфрид довольно улыбалась и уже готова была примерить корону, когда Ролло, выругавшись сквозь зубы, поспешил к ней.

– Нет, погоди. Проклятье! Я не проследил, а какой-то олух положил этот венец к твоим подаркам.

Он протянул руку и Снэфрид вернула корону. При этом выразительно посмотрела своими разноцветными глазами, а Ролло вдруг ощутил себя беспомощным, как мальчишка. Такое порой бывало, когда он чувствовал этот ее насмешливо покровительственный взгляд. Поэтому и произнес резче, чем хотел:

– У тебя достаточно украшений, Снэфрид моя. А этот венец предназначен для другого.

– Или для другой?

Он не ответил. Но был благодарен жене, когда она спокойно стала перебирать другие украшения. Муж привез ей немало даров из похода на Бретань, и она найдет чем утешиться.

– А это я могу взять? – она выбрала тонкий кинжал с мерцающим на рукояти голубым камнем. – Прекрасное оружие. Я дам ему имя Глер – Светящийся.

Казалось она забыла о венце. Но это только казалось, ибо, любуясь кинжалом, она вдруг произнесла:

– Ты слишком балуешь рыжую девку, Рольв.

Ролло помрачнел:

– Она невеста Атли, а значит почти наша родственница.

– Невеста... Не думаю, что когда-либо они выпьют свой брачный напиток. Она вьет из твоего брата веревки, и он никогда не осмелится настоять на своем.

– Зато я настою! – твердо произнес Ролло. – Этот союз очень выгоден для нас. Эмма – принцесса франков, а Атли мой наследник.

Снэфрид повернулась и взглянула Ролло прямо в глаза. Он мог выдерживать ее пристальный взгляд. Мало кто мог – он мог.

Снэфрид сказала:

– Что ж, если этот венец поспособствует тому, чтобы скорее свершилась их свадьба, я буду рада. Ибо пока над братьями властвует эта надменная дева...

– Атли чтит её, – обронил викинг. – Он не хочет принуждать её силой.

– Тогда пусть вмешается епископ Франкон. Надо чтобы этот поп напомнил рыжей, что она живет с Атли во грехе – кажется, так это называется у христиан – хохотнула Снэфрид. – Ибо эта девушка и твой брат, невенчанное, проводят ночи на одном ложе.

Произнося последнюю фразу, она внимательно следила за отражением Ролло в зеркале, и не могла не увидеть, как он помрачнел. Нахмурился, резко отодвинул блюда и поднялся, вытирая руки о скатерть. Затем поднял с ложа золотой венец, уложил его в сумку и приторочил её к своему поясу. Снэфрид, опустившись на колени, опоясала его мечом.

– Я буду ждать тебя, мой Ру, как верная рабыня ждет господина.

Ролло улыбнулся.

– Скоро я пришлю за тобой. Как только все будет готово к пиру. Теперь проводи меня, жена.

Они шли по узкому коридору, пересеченному низкими круглыми арками. Над каждой из них было высечено Распятие – единственное напоминание о том, что прежде здесь была христианская обитель. Снэфрид оставила это изображение, заявив что Распятый похож на отца богов Одина, повешенного на мировом ясене Иггдрасиль. Больше же ничего от прежнего здесь не осталось. Даже станки в ткацкой, где работали девушки-рабыни, Снэфрид велела установить вертикальные, а не горизонтальные, как было принято у франков. Она с упрямой ненавистью истребляла все местное, за исключением одежд, явно предпочитая норвежским передникам и головным повязкам элегантные наряды франкских дам.

В обрамленном колоннадой монастырском дворике Ролло ожидал уже оседланный конь. Его держал под уздцы огромного роста норманн, настоящий великан с уже начавшей седеть гривой волос и бельмом на глазу. Это был Кривой Орм, телохранитель Снэфрид. Он был нем, но это не мешало ему оставаться великолепным воином. К тому же он был предан Лебяжье-белой до мозга костей.

Монастырские постройки на холме еще сохраняли некое величие былого: ровные стены, большое округлое окно в бывшей базилике, высокие шатровые кровли. Но некогда побеленное здание давно никто не приводил в порядок, повсюду из-под побелки виднелась каменная кладка, плиты двора ушли в грязь и поросли травой, а почти у самых ворот высились огромные навозные кучи, которые ворошили вилами рабы в кованых ошейниках. Ролло пришпорил своего вороного: ему вдруг нестерпимо захотелось поскорее оказаться как можно дальше отсюда. Он едва дождался, пока стражники вытолкнут здоровенный дубовый брус из проушин ворот бывшего монастыря. И тут же встречный ветер подхватил подоы его широкого светлого плаща. На Снэфрид, творившую вслед ему хранящие путника руны, он так и не оглянулся.

Глаза финки были широко распахнуты. Лицо её словно окаменело. Когда Ролло скрылся из виду, она медленно и тяжело ступая, прошла во внутренний двор. Здесь, у колоннады, её догнала семенящей походкой крохотная старушенция – лицо будто печеное яблоко, седые космы жалкими охвостьями торчат из-под завязанного на затылке скандинавского покрывала.

– Да пребудет с тобой благоволение небесной Фриг⁷, прекрасная Сванхвит, вельможнейшая нива гривен!⁸

Снэффрид остановилась, глядя сверху вниз на старуху. Это была колдунья и пророчица, прибывшая из Норвегии много лет назад с первыми драккарами и помнившая еще походы викингов на Париж. Когда король франков Эд разбил на Монфоконе войско северян, она бежала и нашла прибежище в одной из пещер близ Ротомагуса. С недавних пор ведьму связывали со Снэффрид странные дела, и старуха стала часто навещать к ней в ее усадьбу-монастырь на холме.

– У тебя есть то, что мне нужно? – бесцветным голосом спросила женщина, пока ведьма осыпала поцелуями её холеные руки.

– Хо! С самого утра дожидаюсь твоей милости, – зашамкала та беззубым ртом. – Сегодня в селении родился младенец, крепенький такой, ладный. Как раз такой, как и нужен. Однако достаточно ли у тебя яркого дождя ладоней⁹, чтобы купить себе частицу юности?

– Бывало ли так, чтобы я не могла расплатиться, Тюра?

– Тогда я приведу сюда поселянку с ее приплодом когда стемнеет.

И вприпрыжку, как девчонка, колдунья заскакала между колонн в сторону ворот, захихикала, заскрипела, напевая и приплясывая. Люди Снэффрид невольно расступились, давая ей дорогу, некоторые творили за спиной знак, предохраняющий от злых сил, иные крестились. Они знали, что супруга Ролло порой грешит колдовством, и боялись даже её взгляда, но эта старуха внушала им не меньший страх. Ибо когда она посещала их госпожу, что-то темное и ужасающее происходило в стенах бывшего монастыря.

– Орм, – негромко произнесла Снэффрид, и богатырь тут же оказался рядом. – Проследи, чтобы никто не входил во двор этой ночью. А старую Тюру, когда она явится, проведешь в крипту под башней.

Она вернулась в свои покои. Осенний ветер по-прежнему втекал в открытое окно, колебля изображения сплетенных драконов на коврах. Казалось, они шевелятся, скалят пасти, извиваются в схватке, впиваясь в хвосты и гребни друг друга.

Снэффрид приблизилась к одному из ларей у стены, где были разложены драгоценности, привезенные Ролло. Какое-то время она глядела на них, и вдруг стремительным движением смела золото на пол и стала топтать ногами в шнурованных башмачках, рыча словно дикий зверь. Если бы Ролло мог видеть её сейчас, он не поверил бы, что это она – всегда ровная, тихая Снэффрид, с её мягкими замедленными движениями и тягучим медовым голосом.

Новый порыв ветра ворвался в окно, стукнул открытым ставнем. Волосы Снэффрид упали на искаженное яростью лицо, когда она наконец в изнеможении, тяжело дыша, рухнула на ложе.

– Ненавижу!.. Ненавижу!.. – глухо рычала женщина, впиваясь зубами в мех. – Да провалится рыжая в Хель¹⁰ из копии и мечей, да покроет все её тело короста, а нутро изъест проказа!..

Так Снэффрид давала выход своей ярости, так она кляла ту, что вытесняет её из сердца мужа... В отчаянии Снэффрид стала подвывать. Вот оно – бессилие, полная немота. Ибо финка уже осознала, что все её проклятья разбиваются о незримую стену, которой окружена рыжая невеста Атли.

Невеста! Ха, Снэффрид догадывалась, что этого не случится. Иначе зачем сам Ролло так долго тянет со свадьбой немощного брата и рыжей девки? Уже больше года она живет в Руане и положение ее и по сей день непонятно.

---

⁷ Фриг – богиня брака у древних скандинавов, жена верховного бога Одина.

⁸ Т.е. женщина.

⁹ Золото.

¹⁰ Хель – подземное царство мертвых у древних скандинавов, а так же имя его владычицы-великанши.

К тому же Атли сам заподозрил, что Снэфрид желает его избраннице зла, и позаботился, чтобы девушку хорошо охраняли. Это были только его догадки, Снэфрид была осторожна и Атли нечего было сообщить старшему брату, кроме своих подозрений.

А вот сам Ролло... Атли слывет умным парнем, но у него явно не хватило ума заметить, что Ролло интересуется его невестой куда больше, чем хотел показать.

Сама Снэфрид не была наивной и понимала, что у такого мужчины, такого правителя, всегда будет много женщин. Но кого бы ни приближал к себе ее муж, финка чувствовала, что по своему он верен только ей. А иные... Красавица аббатиса, или дочь одного из франкских воинов, или улыбчивая толстушка рабыня, которую брал к себе на ложе Ролло, – они сменяли друг друга, исправно рожая ему детей, но не имея никакого влияния. Снэфрид же была и оставалась возлюбленной женой. И она не волновалась до тех пор, пока из небытия возникла эта рыжая.

Её привезли в Руан в прошлом году, после того, как Ролло попал в плен к своему сопернику герцогу Нейстрийскому. И оказалось, что помогла ему бежать из неволи именно эта рыжеволосая девушка. Но Ролло сумел увезти ее с собой. Вместе они добрались до границ Нормандии, где Ролло тут же стал собирать отряды для похода, а эту рыжую Птичку, как ее называли, доставил в Руан его верный человек Ботольф Белый.

Тогда Снэфрид еще не придавала этому значения. Эмму она увидела в дождливый день, и пленница выглядела жалкой и измученной. Промокшая насквозь, она сидела в крестьянской повозке под присмотром двух воинов. Но в тот же день Ботольф дал Снэфрид понять, что ей придется не на шутку потягаться с этой девушкой из-за Ролло. Так и сказал:

– Смотри какую красавицу я привез из Нейстрии! Ролло заботится о ней, как ни о какой другой женщине.

Тогда Снэфрид не придавала значения его словам. Ботольф недолюбливал ее, они соперничали из-за влияния на Ролло, и этот ярл рассчитывал отстранить от конунга Белую Ведьму, постоянно намекая, чтобы Ролло развелся с бесплодной женой. За что ему нередко доставалось от самого Ролло: когда конунг Нормандии что-то решил для себя, его гневили подобные советы.

Но вскоре Снэфрид заметила, что с самим Ролло происходит что-то странное. Постоянная задумчивость сменялась мрачностью и угрюмостью, после которой на его лице вдруг появлялась светлая мечтательная улыбка. А главное он резко пресек расспросы жены на тему, как он сошелся с рыжей девицей.

– Я привез ее для Атли и это все, что тебе следует знать, жена.

Весть, что Ролло привез девушку в подарок младшему брату, тогда еще успокаивала финку. А когда она узнала, что Ролло переправил девушку с братом к морскому побережью, она даже воспряла. Ненадолго. Ибо уже через несколько дней Ролло вдруг сам поехал за ними.

Вернулся он почти сразу же, причем был сам не свой. Снэфрид он не посещал и, как она узнала позже, беспробудно пил со своими викингами. Когда же она приехала к нему сама, ее муж в полупьяном состоянии только и твердил одно: Эмма делит ложе с его братом.

– Разве ты не этого хотел? – не повышая голоса, спросила Снэфрид. – Ты ведь намерен поженить их.

– Да, да, я хотел этого! – воскликнул Ролло, ударив кулаком по столу, и повторял это вновь и вновь, словно пытаясь в пьяном угаре убедить себя самого.

Происходящее напугало Лебяжьебелую. Она видела, что ее муж страдает, его словно изнутри поедает какая-то хворь. И Снэфрид стала догадываться, что имя этой хвори – Эмма.

Она постаралась отвлечь Ролло от мыслей о пленнице. Все было пущено в ход: страсть, колдовство, любовное зелье. В конце концов ей стало казаться, что у нее получилось, она начала понемногу успокаиваться, но все рухнуло в тот день, когда в Руан явились послы герцога Роберта. Именно тогда Снэфрид узнала, кем в действительности является рыжая Эмма:

высокородная принцесса франков, родня высокородного Робертина, чистейшая кровь королей. Союз с ней мог дать Ролло право на земли, которые он до сих пор удерживал только силой. И если он решит, что разумнее ему самому, а не его хилому брату сойтись с принцессой из рода Робертинов...

Снэфрид боялась додумать эту мысль до конца. Оставалась только надежда на влюбленность в Эмму младшего из Нормандских братьев. И решение самого Ролло осчастливить брата союзом с его избранницей.

А пока Ролло торговался с Робертом о его племяннице. Он даже сумел добиться от него целого мирного года, что было так необходимо, ибо урожай был скудным и Ролло требовалось время, чтобы навести порядок в Нормандии и подготовиться к решительным действиям против франков.

Однако послы Роберта требовали предъявить им Эмму, чтобы убедиться, что с девушкой все в порядке. Ролло послал за нею и братом, и когда они прибыли, у Снэфрид словно открылись глаза – она увидела, как хороша собой эта христианка. Даже малокровный Атли, казалось, воспламенялся в её присутствии. А Ролло, вместо того чтобы по завершении переговоров соединить их брачным союзом, опять почему-то тянул, и продолжал навещать брата с его невестой в отведенных им покоях епископского дворца на острове посреди Сены.

Снэфрид же оставалось в одиночестве слушать завывания ветра в монастырской базилике на холме. Она ворожила, шептала заклинания, приносила жертвы богам. Никогда ещё её одиночество не было столь тягостным и унижительным. Редкие визиты Ролло были всего лишь жалкими подачками её жадной любви. Из бесед с ним она узнала, что Ролло теперь уже не настаивает на скором браке пленницы и Атли. Смеясь, он рассказывал, что эта девушка поставила условие: брат Ролло должен принять крещение, и только тогда она согласится, чтобы епископ Франкон обвенчал их.

– Но Атли никогда не станет христианином! – смеясь замечал Ролло.

Снэфрид кусала губы. Уж она-то знала, что Атли сблизился кое с кем из христианских священнослужителей. Да и в самом Руане было немало обращенных викингов. И пока Атли сдерживало от христианской купели лишь то, что Ролло и слышать не желал о чем-то подобном.

Но Снэфрид отмела, что ее мужа ничто так не занимало, как ражая пленница. Простодушие его не знало границ – он подолгу рассказывал финке, как эта девушка выучилась превосходно ездить верхом, как быстро усваивает их язык и каким восхитительным даром наделили её боги – она поет, словно птицы Валгаллы!¹¹

Снэфрид слушала с улыбкой, ничем не проявляя своих истинных чувств.

– Неплохо, что эта девушка тебя так забавляет, Рольв!

Он кивал, уже погруженный в размышления, глядя перед собой невидящим взглядом. Порой Снэфрид требовалось все умение, чтобы обратить его внимание на себя. И все же до сих пор ей удавалось снова и снова исторгать у него этот похожий на приглушенный львиный рык стон блаженства в минуту любовной близости. Она подмешивала в его питье всевозможные любовные снадобья, шептала над ним, спящим, заклинания... Она знала странную силу своих глаз – порой, сосредоточившись, она могла причинить человеку боль даже на расстоянии. Но не возродить любовь.

Снэфрид старалась вызнать, чем так полонила ее мужа эта рыжая. И была возмущена, что Эмме сошло с рук даже убийство старого кормчего Кетиля. А тех, кому Ролло некогда отдал девушку на потеху, он сам же теперь отдалил от себя, словно возненавидев.

Среди таких оказался и датчанин Рагнар, который прежде был одним из его ближайших соратников. Сам Рагнар рассказал об атом Снэфрид, ибо датчанин, в отличие от многих, не примирился с рыжей христианкой и не испытывал к ней никакого почтения. Рагнар стал вер-

---

¹¹ Валгалла – скандинавский рай.

ным человеком Снэффрид, ибо глядел на нее влюбленными глазами, она же была по-особому приветлива с ним, полагая, что когда-нибудь этот строптивый викинг пригодится ей.

Постепенно в душе Снэффрид стала расти бессильная ненависть. Она чувствовала себя оскорбленной ослепительной юностью Эммы, её красотой и осанкой прирожденной властительницы. И все чаще подумывала, как избавиться от этой девки.

Пойти против воли Ролло она не смела. Но Ролло собирался в поход. Он говорил, что это будет поход меча: во время его странствий по Бретани он попал в плен к старому ярлу Гвармунду и тот лишил пленника его знаменитого оружия – меча Глитнир. Ролло такое не прощал. И едва миновала зима, как он с отрядами вооруженных соратников покинул Руан.

Вот тут Снэффрид и решила действовать. И обратилась за помощью к опасному, но влюбленному в нее Рагнару Датчанину.

Пусть Ролло уже и считался покорителем Нормандии, но у нормандских берегов все еще плавали ладьи отчаянных викингов, готовых поживиться везде, где выпадала возможность. Вот Снэффрид и подговорила Рагнара сговориться с такими разбойниками, сообщив им, что грозного Ру нет в его городе. А на деле ей просто было желательно ослабить Атли: он был неплохим управленцем, однако никудышным воином.

Лебязьебелая все верно рассчитала – Атли не сумел организовать отпор захватчикам. И был вынужден прийти к Снэффрид Лебязьебелой и умолять о помощи. Ведь она была женой правителя Нормандии и признанной воительницей!

Финка вновь ощутила на плечах тяжесть кольчуги. Она немедленно отправила к Рагнару гонца, чтобы он повел к Руану ладьи викингов, а затем быстро поспешил оставить их и перейти под ее стяг. И вместе они повели людей на защиту так ненавидимого Снэффрид города. Её стрелы пронзали вопящие тела, рука тяжело ныла в ремне щита, отражая все новые удары. И казалось бы все у них вышло, она могла требовать любой награды... Даже могла избавиться от рыжей Эммы. Однако неожиданно они с Рагнаром стали проигрывать отрядам нападавших викингов.

Могло случиться все, что угодно. Ролло с войском отсутствовал, Рагнар и Снэффрид вынуждены были отступать, на Атли надежды не было... Но боги все же покровительствовали Нормандии, ибо как раз в это время в устье Сены вошел флот недруга Снэффрид Ботольфа Белого, ярла Байе.

В итоге произошло славное сражение и, зажатые с обеих сторон пришельцы викинги, были разгромлены.

Когда по поводу победы в Руане устроили пир, Снэффрид заняла главенствующее место, играя роль победительницы, хотя первый рог и подняла за славу и доблесть Ботольфа. Которого в душе ненавидела. И ненависть ее была тем острее, что именно возле него на пиру вместе с Атли сидела и принцесса Эмма. Девушка была весела и любезно беседовала с Ботольфом. Ведь именно он привез ее в прошлом году в Руан, и, похоже, у них были приятельские отношения. И если Атли ничего не значил в глазах Лебязьебелой, то Ботольфа следовало опасаться.

В итоге потеряв все удовольствия от победного пира, Снэффрид отложила баранью кость, которую усердно обглаживала, и стала смотреть, как эта девушка изящно ест, касаясь пищи самыми кончиками пальцев, ела с аппетитом, но без жадности, отдавая должное каждому блюду, как с аппетитом, но без жадности отдает должное каждому блюду, как ополаскивает руки в чаше с душистой водой, которую держит прислуживающий ей мальчик. Принцесса!.. Да разорвут ее тролли!

Но тролли тут не помогут. Хотя почему бы не попробовать? Разве Снэффрид не происходила из племени финнов, столь умелых в ворожбе? И разве в ней не бурлили те особые силы, которыми ее научили пользоваться на старой родине!

И она решилась.

Сперва сжалась в комок, подобрала колени, вызывая ту тупую, разрушающую силу, которая наполняет холодной тяжестью все существо, словно утраивая силы. После этого, правда, придется несколько суток провести в постели, в полном кошмаров оцепенении. Но сейчас Снэфрид уже вошла в раж. По вискам её заструился пот, руки, державшие кубок, наполненный чистой водой, задрожали. Снэфрид не отрываясь смотрела на воду, и та вдруг стала исходить тонким паром, одрагивать, словно намереваясь закипеть. И тогда поверх золоченого края кубка финка перевела взгляд на Эмму.

О, это сладкое мгновенье!

Рыжая замерла, потом уронила чашу с вином и схватилась за ворот, задыхаясь. Глаза её сначала расширились, потом закатились, и, хватая воздух, она стала заваливаться на бок, на руки едва успевшего подхватить ее Атли.

Снэфрид помешал Ботольф. Он знал, что может сотворить ведьма Ролло, и кинулся к ней. Зайдя сзади, он что было силы рванул Лебязьебелую за длинные косы, опрокинув её на пол вместе с тяжелым креслом.

Теперь она уже не шевелилась. С этой секунды Снэфрид была бессильна, как мертвая мышь. Сквозь гул в ушах она слабо различала крики, ругань, топот тяжелых сапог. Словно в сотне миль от нее Рагнар кинулся на Ботольфа... Ничего удивительного: стычки на пирах нормандцев были столь обычными, как руны на их клинках. Главное, чтобы никто не понял, почему Ботольф сделал то, что сделал, а сам он держал бы язык за зубами...

Она думала об этом все время, пока люди Рагнара несли её в закрытых носилках в ее уединенный монастырь на горе. Снэфрид было плохо, наплывала туманная усталость. Она лишь усилием воли заставляла себя не уйти в беспамятство, а вслушиваться в слова Рагнара.

– Подумать только, старый пес из Байе так нализался, что посмел поднять руку на саму королеву! Клянусь своим щитом, что если бы нас не разняли, я вздернул бы его оскаленную башку на свою пику, отправляясь встречать Ролло!

Он склонился к ней.

– Что он сделал с тобой, Лебязьебелая? Я боялся, что он повредил тебе спину. Ты была будто неживая...

Но на третий день Снэфрид уже поднялась на ноги. Взглянув на себя в зеркало, она увидела темные круги под глазами, сухие морщины в углах губ. Слава богам, что в её светлых волосах не видна седина. Справившись об Эмме, она узнала, что с той все в порядке. Очнувшись после обморока, день промучилась с мигренью и опять поет.

Снэфрид сжала кулаки. Выходит, она стала слабеть, если эта сила не причиняет вреда никому, кроме нее самой. Она словно состарилась на десять лет за те короткие мгновения.

И вновь она принимала ванны из молока ослиц, рабыни растирали её тело благовонными маслами, по ночам она спала на досках вместо перин, покрывая лицо ломтями печени свежесбитых животных – такая печень имела свойство разглаживать кожу. Снэфрид пила теплую кровь ягнят, чтобы омолодиться, покрывала волосы смесью из истолченных трав, яиц и сливок, а затем полоскала их в теплой воде с уксусом, так что они блестели, как серебро. И когда она выехала верхом навстречу вернувшемуся из похода Ролло, никому бы и в голову не пришло, что это та бессильная, утомленная походом и измученная болью женщина, которую Рагнар Датчанин несколько дней назад доставил из Руана...

Снэфрид вздрогнула, услышав стук открывшегося под порывом ветра ставня. Ветер усилился. Теперь он неистово завывал, срывая черепицу с крыши. Женщина поднялась с ложа. Она озябла, в покое было темно. Время зажигать свечи. Да и пора узнать, привела ли поселянку старая Тюра.

Снэфрид хотела было закрыть ставень, но отдаленный шум, донесшийся со стороны города, привлек её внимание. Она слышала обычный перезвон колоколов в церквях христиан, но теперь к нему примешивались и хриплые звуки рогов. Город сиял огнями.

– Что там происходит? – пробормотала Снэфрид.

Негромкий стук в дверь отвлек её. Снэфрид улыбнулась: это робкое, едва слышное царапанье могло принадлежать только ее преданному силачу Орму.

Она открыла и гигант накинул ей на плечи широкое темное покрывало. В старом монастыре стояла тишина, огонь горел лишь у ворот, на сторожевой вышке маячила тень стражника. По двору, дабы никто не смел ни войти, ни выйти, бродила гигантская пятнистая кошка – редкостный леопард. Он уже дважды набрасывался на слуг, и его боялись не меньше, чем самой хозяйки поместья. Даже вооруженные стражники не решались спускаться с галереи над воротами, когда Орм выпускал из клетки этого хищника.

Зверь потерялся о бедро Снэфрид, словно ручной котенок, и басовито замурлыкал. Лебяжьебелая приучила его брать пищу у нее из рук. Кроме нее хищник признавал только Орма, который чистил клетку и кормил его, когда хозяйке было недосуг.

Оставив зверя во дворе, Снэфрид стала спускаться в подземелье старой крипты. Орм следовал за ней по стершимся ступеням, где пахло плесенью, но в самую молельню не вошел, оставшись за дверью. Финка же вошла в помещение под бывшей монастырской церковью. Тут, в слабом свете коптящей лампы, в углах выступали толстые колонны, поддерживающие свод в форме ручки корзины. На стенах еще оставались неясные следы росписи: Бородатый Бог-отец в нимбе и с греческим крестом над теменем с осуждением глядел на вошедшую близко посаженными византийскими глазами.

Теперь это место было избрано для тайных дел женщиной, слывущей ведьмой. На поставках вдоль дальней стены виднелись черепа людей и животных – лошадей, клыкастых кабанов, длиннорогих туров. На вбитых в роспись свода крюках висели высушенные тушки летучих мышей, некоторые чудовищно огромные, с мордами выходцев из преисподней. Комки белой глины на широком столе, чучело филина, еще какие-то кости, а также ножи – из лучшего металла, сверкающие, как драгоценности, среди этих омерзительных предметов.

Там, где прежде на небольшом возвышении располагался алтарь, теперь стоял стол на изогнутых бронзовых ножках, его столешница посередине имела округлое отверстие. К нему-то и направилась первым делом Снэфрид, коснувшись поверхности не менее ласково, чем перед тем гладила зверя.

Только после этого она взглянула на маленькую худую женщину, кормившую грудью младенца. Рядом с ней на корточках сидела старая Тюра, что-то монотонно напевая, раскачиваясь и громяхая костяными амулетами, подвешенными на просмоленной бечеве к её клюке. Почувствовав на себе взгляд Снэфрид, Тюра подмигнула ей и, не переставая напевать, кивнула в сторону бедной селянки.

Снэфрид приблизилась, и увидела у той в глазах страх. Веки женщины были изъедены болячками, нечесанные волосы свисали набок, подхваченные убогим подобием заколки. Но ребенок у вздувшейся от молока груди был крупный, лобастый, с чистой кожей.

«Даже таким тварям боги даруют способность производить потомство, но не мне», – промелькнуло в её мозгу.

Женщина, дрожа, безотрывно глядела на госпожу с небывалыми разноцветными глазами.

– Пресветлая дама, – залопотала она срывающимся голосом. – Молю, во имя Девы Марии, скажи, что станет с моим дитятей?

«Поздно же ты спохватилась. Об этом следовало думать раньше, до того как ты решилась принести его».

– Сколько у тебя детей? – спросила Снэфрид.

Та заморгала, пытаясь улыбнуться бледными губами.

– Много... Много живых, а некоторых уже прибрал Господь.

– Какое же тебе дело до то, что будет с этим ребенком? Я дам тебе за него желтый металл. Ты сможешь целый год есть сама и кормить своих щенков.

– Желтый металл?! – женщина, казалось, поражена. На её тупом лице появилось выражение благоговейного ужаса и восторга.

– Но ты никому не скажешь, куда отнесла дитя.

– Никому, о благородная дама, никому!

Она выпрямилась на коленях и попыталась поймать руку Снэфрида, но та резко отдернула её, словно замахнувшись для удара. Женщина тотчас съежилась, втянув голову в плечи. Когда она открыла глаза, беловолосая красавица протягивала ей золотую номисму.

У женщины загорелись глаза. Она слышала о существовании золотых монет, но эта была первой, которую она видела воочию. Когда желтый металл лег в её ладонь, она вздрогнула, словно он таил в себе жар огня, которым светился.

Она так жадно вглядывалась в монету, что не обратила внимания, как продолжавшая напевать Тюра взяла у нее ребенка. Оторванный от груди, младенец мяукнул как котенок. Старуха зашикала и ткнула ему в губы вместо соски кусок сырого мяса.

– А теперь убирайся, – властно велела Снэфрид.

Женщина вновь попыталась встать на колени и поцеловать ноги щедрой красавицы.

– Покажи ей дорогу во двор, – приказала Снэфрид Орму.

Тот на какой-то миг задержал на госпоже взгляд, затем понимающе кивнул. Вернувшись вскоре, он помог развести огонь в печи и установить вокруг жертвенного стола тяжелые кованые треножники. Сама Снэфрид, произнося заклинания, зажгла толстые желтые свечи. Голос её звучал монотонно и напевно. Старая Тюра, подвывая, вторила ей. Мерное течение ритуала не нарушили даже долетевшие извне вопли ужаса и боли нищенки и яростный рык леопарда. Только Орм, опустившись на каменный выступ стены, повернул голову и прислушивался. Хмыкнул, скривив рот.

К тому, что должно сейчас произойти в крипте, Орм относился без трепета. Он еще не забыл, как и сам в походах иной раз забавы ради подбрасывал и ловил детей франков на острие копья. Любой отпрыск врага может вырасти воином, а мудрый Один не гневается, получая в жертву нежное мясо. Поэтому викинг спокойно наблюдал, как Снэфрид, взяв роскошный сосуд – христианскую чашу для причастия, всю в крупных самоцветах, – поставила её под отверстием в столе. Младенец уснул было на руках завывающей Тюры, но заплакал и засучил слабыми ножками, едва его раскутали и уложили на холодную поверхность жертвенного стола.

«Мальчик, – сухо отметила финка. – Сын, которого не желали послать мне боги».

Её сердце мучительно заныло от отчаяния и ненависти. Крик ребенка резал слух.

Словно тень летучей мыши носилась по крипте старая Тюра, творя в воздухе колдовские знаки, хриплым шепотом бормоча ужасающие заклинания.

Снэфрид отпустила концы покрывала, и оно медленно сползло к её ногам. Блестящая парча платья вспыхнула в свете свечей. Медленно, преодолевая раздражение, вызванное плачем младенца, она стала распускать шнуровку на груди.

– Орм, оставь нас! – неожиданно приказала она.

Великан повиновался. Снэфрид всегда гнала его в решающую минуту, и это его сердило. Ему страстно хотелось взглянуть, как происходит жертвоприношение, но финская ведьма не позволяла. Что ж, его награда не за горами: после тайных обрядов Снэфрид всегда бывала особенно чувственной, и еще сегодня он подомнет под себя это припахивающее свежей кровью ослепительное тело.

Когда он, выходя, приоткрыл дверь, вновь стал слышен истошный вопль нищенки. Снэфрид улыбнулась. Она не так глупа, чтобы оставлять свидетеля. На рассвете Орм подберет останки, а золотой, данный женщине, достанется ему за труды. Преданный, верный, как сталь,

немой. Финка ощутила томительную дрожь, вспомнив, каково чувствовать на себе его тяжесть. Ролло куда легче...

– Ролло... – прошептала она. – Я всегда буду молодой для тебя.

Она сбросила через голову рубаху. Ребенок исходил хриплым писком. Отвратительный, багровый от натуги червяк!..

– Какое орудие подать, госпожа? – спросила Тюра, глядя на точеные бедра ведьмы с завистливой ненавистью.

– Трехгранный нож.

Твердая рукоять приятно охладила ладонь.

– О великая Хель! – зашептала Снэфрид. – Ты получишь сегодня свое, но меня не тронь. Я отдаю тебе это дитя, чтобы ты не зарилась на мою красу. Мое время еще не пришло, о владычица смерти. Идун, Идун, душа вечной юности, пусть сок твоих дарующих молодость яблок насытит кровь этого ребенка и войдет в меня!..

Она вознесла нож, на миг подняла глаза к потолку и хищно улыбнулась бессильному Богу христиан. Пусть глядит, если ничем не может помешать...

Короткий удар – и слабую жизнь оборвала сталь. Тонкий писк, короткая конвульсия – и хруст вспарываемой плоти и хрящей. Сердце еще билось, когда ведьма жадно впиалась в него зубами. Чужая жизнь, душа, юная сила должны были войти в нее. Она верила в это, знала, что так и случится, и испытывала острое наслаждение. Нежное, сладкое мясо – его не сравнить ни с одним из изысканных яств. Плотный комочек чужого естества, дающий новую молодость... Внутренности младенца еще дымились в сыром воздухе крипты. Тяжелые капли мерно падали в драгоценную чашу под жертвенным столом...

Старая Тюра приблизилась к жертвеннику и склонилась над тельцем. Однако даже она не умела предсказывать будущее по внутренним органам жертвы и теперь с любопытством и ожиданием глядела на Снэфрид, слизывавшую кровь с рук. Наконец та опустила глаза – и отшатнулась. Безобразная гримаса исказила лицо Лебяжьебелой. Старая ведьма попятилась в ужасе.

Одно и тоже! Всегда одно и тоже! Отливающий перламутром ком внутренностей лег налево, и только крошечная темная печень лежала по другую сторону тела, а это ясно предвещало полное одиночество... Даже кровь не брызнула в нужную сторону... Так уже бывало не раз, но Снэфрид не желала в это верить...

– Быстрее, быстрее! – торопила её Тюра. – Пока он еще теплый, пока в нем еще есть искра живого!

Да, Снэфрид следовало спешить. Она наклонилась, погрузив лицо в теплое разверстое чрево младенца, умывая его мягкой человеческой требухой, впитывая кожей юность свежей крови. Шея, грудь, живот, ягодицы – все должно отвесть свежей мякоти...

– Теперь ты во мне, – почти беззвучно шептала Снэфрид.

Звуки стекавшей в чашу крови казались ей слаще песен валькирий. Они значили одно: молодость, сила, жизнь, красота, любовь...

Старая Тюра повизгивала от удовольствия, наблюдая, как её госпожа омывает себя кровью. Она не желала отстать от нее, кое-что доставалось и ей.

Стук капель прекратился.

– Взгляни, довольно ли там? – в экстазе простонала Лебяжьебелая.

Старуха юркнула под стол и сейчас же появилась, держа сосуд с кровью. Снэфрид дрожащими руками приняла его. Её глаза светились безумием, зубы скалились в адской улыбке.

В этот же миг раздались сильные удары в дверь. Обе женщины вздрогнули и переглянулись.

– Как Орм смеет тревожить меня в такое время? – гневно спросила Снэфрид. – Да пусть хоть настанет день Рагнарек¹² – никто не смеет чинить мне помехи!

Старуха глядела на нее, выпучив лягушечьи глаза.

– А не Ролло ли это?

Холодом окатило и Снэфрид. Она вся в крови, и повсюду здесь кровь... Что сможет она сказать мужу?

Стук в дверь становился все более настойчивым. Чаша задрожала в руках у Снэфрид. Старуха, хоть и была напугана не менее финки, но сохранила присутствие духа.

– Да хранят нас боги! Ты все равно должна это выпить, Снэфрид. Я же пойду и узнаю, что случилось.

Зубы у Снэфрид стучали о край сосуда, пока она пила. Кровь потеряла привычный вкус, она глотала её через силу, давясь и расплескивая на грудь, в то время как расторопная Тюра гасила свечи, присыпала золой огонь в очаге, дабы во мраке нельзя было разглядеть, чем занята здесь супруга правителя Нормандии. Однако она переусердствовала и едва добралась до двери в крошечной тьме.

В эти минуты Снэфрид, не боявшаяся ничего на свете, испытывала настоящий ужас. Мрак подземелья, уплотнившись, вдруг стал сжиматься вокруг нее. Она умела видеть в темноте и постепенно стала различать очертания предметов, и тем не менее ужас не покидал её. Кровь младенца, сворачиваясь, высыхала на ней, разъедавая нежный шелк её кожи. Она смутно различала детский труп на столе перед собой. Внезапно, повинаясь порыву, она схватила его и отшвырнула в сторону, услышав, как он мягко ударился об стену.

– Я ничего не боюсь! – твердо проговорила Снэфрид и вдруг поняла, что если Ролло войдет сюда...

Бадья с водой стояла совсем недалеко. С остервенением она принялась смывать с себя кровь. Какая жалость, она не успеет как следует впитаться! Пожалуй, вскоре придется снова повторить обряд, но сейчас главное, чтобы никто ничего не заподозрил...

Когда блеснул тусклый свет и с горячей плоской в руке появилась Тюра, Снэфрид была уже одета. Старуха одобритительно кивнула, оглядывая её.

– Вот здесь еще пятно. И здесь...

– Отстань. Скажи... это он?

– Нет, но хорошо, что ты готова. Где труп?

Снэфрид стукнула кулаком по столу.

– Если это не Ролло...

– Он прислал за тобой, моя светлокудрая валькирия... Ролло требует тебя в Руан. И явился за тобой этот бешеный, Рагнар. В поисках тебя он и его люди едва не разнесли все вокруг. К тому же на одного из людей Рагнара напал твой пятнистый зверь. Они изранили и связали его, а Орм правильно седлал, подняв тревогу. Они ждут тебя во дворе.

Снэфрид стерла с подбородка мазок крови. Сейчас она испытывала облегчение. Рагнар – не Ролло. Пусть подождет. В её движениях вновь появилась прежняя плавная медлительность. Откинув назад испачканные кровью волосы, она стянула их в узел на затылке и не спеша закуталась в покрывало. Подземелье она покинула величественно, как и подобает королеве.

– В чем дело, датчанин? Почему такой шум?

Рагнар бросился к ней через весь двор – искры полетели от его факела.

– О, я волновался! Этот зверь кого-то загрыз. А тебя нигде не было...

– Этот зверь мой, – ледяным голосом оборвала его Снэфрид. – И ты ответишь за то, что причинил ему зло.

---

¹² Рагнарек – битва богов, после которой наступит конец света.

Это действовало на Рагнара как ушат морской воды в декабре. Он отвечал уже спокойнее.

– Конунг Ролло требует тебя к себе.

– Вот как? Прямо сейчас? Видят боги, меня это радует. Едва покинув мои объятия, он вновь...

– Нет! – перебил её Рагнар. Его костистое широкоскулое лицо стало злым. Он сообразил, что эта женщина попросту дразнит его. – Ролло зовет тебя на пир, устроенный в честь прибытия в Руан Олафа Серебряный Плащ.

– Олафа?

Это меняло дело. Олаф отсутствовал в Нормандии почти год. А ведь этот соратник Ролло едва ли не второй из прославленных ярлов по всей Нормандии. И со Снэфридом у него хорошие отношения. Но главное, что Олаф осмелился отправиться на их старую родину – в Норвегию. Это было очень опасно. Но вот же Серебряный Плащ вернулся!

– Ждите меня. Эй, Орм, кликни слуг. Пусть пока я собираюсь, угостят воинов брагой.

Она ушла, а Рагнар ждал, глядя на пляшущий огонь факела. Его люди выказывали нетерпение, зная, что в городе готовится пир. А здесь творятся странные дела. Огромная кошка, растерзанный труп во дворе...

Рагнар мерил шагами двор. Он сам напросился ехать за Снэфридом. Его неотвратимо тянуло к этой женщине! О Лебяжьейбелая – прекрасная, величественная, манящая... Как она сражается – истинный берсерк. Она способна уложить троих, при этом руки у нее останутся нежными. Рагнар помнил, как бережно она касалась его, перевязывая рану на плече. И несмотря на её надменность, в бледной полуулыбке Снэфрида было обещание...

– Ты не заснул ли, Рагнар?

Он не слышал, как она подошла. Датчанин зашевелил губами, пытаясь что-то сказать, но только с силой выдохнул.

Снэфрида была высока, почти одного с ним роста. Великолепная белая туника облегла её стан, сверкая серебряным шитьем и жемчугом. Ярко-алый плащ на горностаевом меху, схваченный на груди золотым пекторалом,¹³ прикрывал плечи. Серебристые волосы были по франкской моде подняты, красиво уложены и перевиты жемчужными нитями, а на лбу их сдерживал широкий обруч, украшенный чеканкой. Эта прическа только подчеркивала изящество, с каким королева Нормандии несла на стройной шее свою великолепную голову.

– Ты прекрасна, как сама Фриг, супруга Одина! – воскликнул Рагнар и невольно, как замороженный, шагнул к ней.

Снэфрида не отстранилась. В уголках её рта блуждала дразнящая улыбка. Ободренный её благосклонностью, викинг склонился – и вдруг замер. Свет факела озарил её лицо, и он увидел, что её губы черны. Он узнал этот горьковато-сладкий запах и привкус. Он растерялся.

– Кровь! У тебя на губах кровь!

В глазах Снэфрида читался вызов.

– И что с того? Вот не ожидала я, датчанин, что такого воина, как ты, может испугать вид крови.

Он что-то обиженно проворчал и снова попытался приблизиться. Но Снэфрида решительно отстранила его.

– Едем, Рагнар. Меня ожидает мой господин.

---

¹³ Пекторал – богато декорированная нагрудная пряжка.

2

– Это он привез тебе в подарок, Эмма, – проговорил норманн, опуская на ларь у окна отрубленную голову.

Девушка отшатнулась. Голова представляла собой ужасное зрелище. От бальзамов, препятствующих тлению, она посинела, скошенный на сторону рот был оскален в свирепой усмешке, борода висела сосульками от запекшейся крови, сморщенное веко было полуприкрыто, будто мертвец подмигивал.

– Убери это! – воскликнула девушка, закрыв лицо ладонями. Затем она метнула сердитый взгляд на доставившего трофей норманна. – Не повредился ли разумом Ролло, велел отдать эту пададь мне?

Бернард рослый воин, светловолосый, но с более темной, заплетенной в косицы бородой, недоуменно пожал плечами.

– Он сказал, что тебе будет отрадно знать, что этого человека больше нет среди живых. По его словам, вы оба побывали у него в плену и он намеревался возвести тебя на погребальный костер своего сына. Эта голова принадлежала раньше ярлу из Бретани Гвардмунду.

Теперь и Эмме показалось, что ей знакомы эти черты. Но какое ей до этого дело? Это Ролло поклялся отомстить этому человеку за то, что тот забрал себе его меч Глитнир.

Бернард продолжал:

– Ролло считает, что ты не умеешь прощать обид и поэтому тебе доставит удовольствие посадить этот обрубок на копьё под твоим окном.

– Бог весть, что приходит на ум этому язычнику, – пробормотала Эмма, но отвернулась, пряча улыбку. То, что Ролло даже в походе не перестает думать о ней, оказалось приятно. Однако когда она вновь взглянула на воина, лицо её было совершенно непроницаемо. – Вот что, Бернард. Убери эту мертвечину, унеси куда-нибудь. А с Ролло я поговорю сама. Где он сейчас?

Теперь и викинг улыбнулся – понимающе, но и с насмешкой.

– Вряд ли ты увидишь его раньше, чем через несколько дней. Снэфрид Лебязьебелая, едва он въехал в Руан, встретила его у пристани и увезла к себе в монастырь на горе. А от такой жены никто скоро не уезжает. Здесь же со всем управится твой Атли.

Эмма опустила густые ресницы, но не смогла сдержать вздох. И усмешка в глазах Бернарда исчезла. Он был из числа немногих воинов-северян, принявших христианство, и прежде его имя было Болли. Вот уже полгода он состоял телохранителем и стражником при Эмме, и все это время их отношения были превосходны. Возможно, потому, что Болли-Бернард был обвенчан с подругой детства Эммы Сезинандой, которую добыл для себя во время памятного похода на аббатство Святого Гилария-в-лесах, где выросли обе девушки. То, что он взял в жены захваченную христианку, по доброму к ней относился и даже принял ради нее крещение, располагало к нему Эмму. Она была покладистой пленницей, а он не слишком суровым тюремщиком. Все это, однако, не мешало ему оставаться бдительным стражем и примечать многие мелочи. Порой Эмме казалось, что этот викинг знает о ней куда больше, чем ей бы хотелось. Так и сейчас – она вспыхнула до корней волос, когда Бернард пояснил:

– Мужчины всегда прежде всего утоляют плоть после долгого похода. К тому же Снэфрид жадна до Ролло и по доброй воле его не отпустит. И кто знает, быть может боги наконец смиростивятся и подарят им сына... Но порой мне кажется, что конунгу стоило бы прислушаться к речам епископа и принять веру Христову. Может новый Бог окажется милостивее старых, и у Ролло будет наследник. Взять меня – едва я крестился, как Сезинанда вскоре подарила мне вон какого малыша! Ревет так, что, кажется, черепица с крыши вот-вот посыплется... Ну так как прикажешь распорядиться подарком Ролло?

Эмма, почти не слушавшая о чем говорит страж, вздрогнула, услышав вопрос.

– Да как угодно! Я не хочу это больше видеть.

Повернувшись, она стала торопливо подниматься по деревянной лестнице к себе в покой.

Бернард пожал плечами. Подняв отрубленную голову за волосы, он направился к выходу, окликнув по пути хлопотавшую во дворе статную светловолосую женщину в плотной шерстяной накидке.

– Оэй, Сезинанда! Отнеси-ка это Ульву, пусть позабавится. Да не пугайся! Голова подкопчена и пропитана можжевелевым настоем. Запаха нет, вреда она не причинит, а Ульв пусть привыкает. Клянусь асами¹⁴, мужчина не должен бояться трупов своих врагов!

Эмма не слышала этих слов; вбежав к себе в покой и плотно захлопнув дверь, она стояла, прижав ладони к щекам. То что порой творилось с ней при мыслях о ее пленителе Ролло, возмущало и волновало девушку. И чтобы унять смятение, она стала просто смотреть по сторонам, оглядывая свой богатый покой.

Да, пленница викингов Эмма жила в роскоши. Устланные пушистыми шкурами полы, посеребренные светильники на стенах, украшенные архивольтами¹⁵ окна с полукруглым верхом. Прямо перед ней, на деревянном резном треножнике, тускло мерцало большое зеркало из отполированного олова в позолоченной раме. Подобные зеркала были предметом, доступным только для самых знатных особ. Когда-то Эмме приходилось довольствоваться созерцанием своего отражения в стоячих водах заводи или в кадке с водой, но теперь, за время плена, она привыкла к роскоши и удобствам. Привыкла к тому, чтобы в покоях всегда было тепло, привыкла к мягкой постели, изысканной пище, к дорогим тканям. Она была пленницей, но её холили и берегли как редчайшую драгоценность. И плен этот не был бы ей в тягость, если бы не непереносимое условие: рано или поздно она должна была стать женой слабогрудого, чахлого юноши, к которому она не испытывала никаких чувств, кроме жалости и участия. Атли, брат Ролло, был бесконечно добр и внимателен к ней, и она старалась быть с ним милой, но когда в его глазах возникал голодный блеск и он прикасался к ней, все существо Эммы содрогалось от омерзения. Атли, замечая это, становился печален, однако не настаивал на своем. Он все еще надеялся... И Эмма поддерживала в нем эту надежду. Ибо Атли был ее поддержкой в этом чуждом для нее мире северных варваров.

Однако рано или поздно его терпению придет конец, вернее – терпению его брата Ролло, который настаивал на её браке с Атли. Ролло, одно воспоминание о котором вызывало в ней целую бурю чувств – от жгучей ненависти и отчуждения до волнующей дрожи и непонятного, горячащего кровь тепла.

Эмма тряхнула головой, заставляя себя не думать о нем. Этот варвар прислал ей голову Гвардмунда, а сам умчался к той прекрасной и страшной женщине, которая владеет его душой. Что ж – он свободен и силен, за ним выбор.

Пленница приблизилась к своему большому зеркалу. Из-за сероватой металлической поверхности на нее взглянула юная девушка, беспокойное очарование которой не могла исказить даже холодная полированная твердь металла.

Эмма любила разглядывать себя. Сознание собственной красоты придавало ей уверенности и ободряло. Она не была рослой, но казалась довольно высокой благодаря горделивой осанке, умению держаться с величавой грацией. Это было врожденным. Её стан был еще по-детски хрупок, но грудь округла и высока, а шея стройна, как стебель лилии. На покатые плечи тяжелыми волнами падали медно-рыжие блестящие волосы, казавшиеся особенно яркими в сочетании со сливочно-белой кожей лица. Губы у Эммы были сочными и яркими как ягоды,

¹⁴ Асы – верховные божества в Скандинавии.

¹⁵ Архивольт – арочное украшение вокруг проема окна или двери: обычно из резьбы по камню, часто богато раскрашенное.

брови на фоне рыжих волос, контрастно выделялись чернотой, как и глаза – темные, каштаново-карие, блестящие, как у лани.

Девушка улыбнулась отражению – и на её щеках появились ямочки. И тем не менее Эмма не могла, подавить вздох. Приподняв руку, она коснулась пальцем белесой полоски шрама на скуле. Некогда Ролло рассек ей лицо своим большим кулаком. И пленнице не следует ни на миг забывать о том, при каких обстоятельствах состоялось их знакомство, и уж тем более не следует тосковать о нем.

– Прекрати! – приказала Эмма себе. – Тебе нет дела до этого язычника.

И все же её улыбка выглядела вымученной. Тайная, не подвластная Эмме сила владела ею, заглушая доводы разума, заставляя её мучительно тянуться к тому, кто стал её поработителем, хозяином, кто столь властно намеревался распорядиться её судьбой.

Машинально Эмма оправила у горла шнуровку своего серого, почти монашеского одеяния. В искаженном по краям отражении зеркала она увидела сверкающее великолепие разложенного на сундуке у стены наряда – того, что она собиралась надеть, когда стало известно о возвращении Ролло в Руан. Девушка приподняла его разглядывая. Настоящий византийский шелк, почти черный, но с переливами от лилового до густо-малинового, расшитый тяжелыми золотыми цветами вдоль подола и рукавов. Это был подарок от ее знатного дядюшки Роберта Нейстрийского и Эмма еще никогда не одевала его на люди. Сейчас же приготовила к приезду Ролло. Девушка уверила себя, что хочет выйти ему навстречу, как подлинная принцесса франков, а не как пленница, вынужденная носить лишь то, что дадут. Но в глубине души надеялась вновь увидеть в глазах Ролло то восторженное изумление, с которым он порой глядел на нее.

«Снэфрид Лебязьебелая увезла к себе в монастырь на горе, – вспомнила она. – А от такой жены никто скоро не уезжает».

– Ну и пусть! – вдруг воскликнула Эмма. – Мне это совершенно безразлично!

Она грубо затолкала чудесное платье в ларь, хлопнула тяжелой крышкой и сама уселась сверху.

– Ролло – варвар, язычник, приспешник сатаны. А она – ведьма, к тому же она его жена. Мне ли беспокоиться из-за них?

Она все еще взволнованно дышала. Сняв с крюка изогнутую лиру, Эмма принялась перебирать струны. Музыка, будучи частью её души, всегда успокаивала её. Небеса даровали Эмме голос, который людей просто завораживал. Еще в детстве её прозвали Птичкой, и Ролло проносил это прозвище с каким-то лишь одному ему свойственным выражением.

Эмма тряхнула головой. Звук струн, чистый и мелодичный, слился с её чарующим бархатистым голосом. Но едва зазвучали слова простой любовной песенки, Эмма резко ударила по струнам и умолкла. Нет, она не станет петь эту песню. То, о чем в ней говорится, слишком похоже на то, что она сейчас чувствует...

Ей хотелось заплакать: наверняка станет легче, но слез не было. Давным-давно, ожесточившись в невзгодах, она утратила божественный дар слез. Позднее её заново научили смеяться – но не плакать... Вместо этого она пела, и музыка приносила облегчение. Однако не всегда. Вот и теперь тяжелое холодное раздражение душило её, комом подступало к горлу. Следовало отвлечься, занять себя чем-то важным. О, она вовсе не тосковала в Руане. Ей даже нравилось здесь. Сейчас она отправится на пристань или пойдет взглянуть, как идет строительство новой часовни у собора, или будет возиться с маленьким сыном Сезинанды. В библиотеке епископа Франкона все еще хранится множество неразобранных свитков, таящих немало интересного...

Но она не сделала ни шагу. Уперев подбородок в изгиб рогов лиры, Эмма погрузилась в воспоминания.

Это случилось уже более года назад. Она открыла клетку, в которой пленного Ролло вез её дядя герцог Нейстрийский. А Эмма освободила его. Она не могла не сделать этого, ибо их судьбы переплелись самым странным и причудливым образом, и, ненавидя Ролло, она тем не менее страдала, зная, что того ждут пытки и страшная казнь. Но едва Эмма помогла ему освободиться, в ту же секунду она сама оказалась его пленницей.

– Как ты мог так поступить со мной?! – кричала она, вырываясь из его железных объятий, когда могучий конь уносил их прочь от лагеря войск Роберта Нейстрийского.

Ролло же отмалчивался, направляя скакуна на север, и лишь крепче сжимал её стан, когда она начинала метаться в седле. В конце концов Эмма немного успокоилась, смирившись с неизбежным, и внезапно с изумлением почувствовала, что рада тому, что они вместе. Руки викинга были властны, но в них была и успокаивающая надежность, а сердце подсказывало, что её похититель не причинит ей зла. Они столько пережили вместе, что все, сделавшее их врагами, словно далеко в прошлом. Ролло не раз спасал и защищал её, рискуя при этом своей жизнью. Поэтому, успокоившись, Эмма поудобнее устроилась на коне перед ним и заявила, что намерена вздремнуть, раз изменить ничего нельзя. Ролло на это лишь негромко рассмеялся, добавив:

– Больше всего, Птичка, мне нравится в тебе то, что никогда не знаешь, что взбредет тебе в голову.

Он, как всегда, пытался подразнить её, но Эмму это не задело, ибо в голосе его была теплота. Она ощутила, как викинг расправляет складки её плаща, заботливо укутывая её, а затем почувствовала легкое прикосновение к волосам, растерянно поняв, что, по-видимому, это поцелуй. Почти отеческий, как те, которыми награждал её аббат Радон, её воспитатель... А Ролло замучил его, допытываясь, где хранится золото монастыря... Нет, она не станет думать об этом. Надо продолжать жить. И, возможно, рядом с Ролло.

Весь остаток пути она продремала в его объятиях, пока на рассвете вдаль не показалась земляная насыпь с частоколом – древний город Лаваль, в котором теперь хозяйничали норманны, подвластные Ролло.

На этом безмятежное очарование и окончилось. Ролло, едва соскочив с коня, направился к бурно приветствовавшим его воинам, веселый и оживленный, будто и не проделал долгий путь верхом после изнурительного франкского плена. На испуганно озирающуюся девушку он даже не глядел, а когда его соотечественники полюбопытствовали, кто эта рыжеволосая, небрежно бросил: подарок для младшего брата.

Тогда Эмма еще не знала языка северян и не догадывалась о своей участи. Оставаясь в полном неведении, она, утомленная дорогой, крепко уснула в отведенном ей срубе, а когда проснулась, узнала, что Ролло уже покинул Лаваль. Эмма не сразу поверила в это, сердилась и требовала немедленно позвать его к ней. Седоусый кряжистый норманн с бритым по франкскому обычаю подбородком, усмехаясь, молча глядел на нее, а затем заговорил на самом ломаном франкском наречии, какое только Эмме доводилось слышать:

– Твой господин Ролло Нормандский отбыл в свой город Ру Хам. Меня зовут Ботольф Белый, но франки прозвали меня Ботто. Можешь и ты называть меня так. Именно мне много-славный Ролло препоручил доставить тебя в Ру Хам, к его брату Атли, который возжелал тебя. Что ж, давно пришла пора младшему из братьев обзавестись своей женщиной...

Эмма отказывалась верить. Действительно, Ролло не раз говорил ей, что она принадлежит его брату. Но неужели он готов отдать ее Атли после всего, что они пережили вместе? Ведь Ролло не щадил себя, оберегая её, он был так заботлив... И так смотрел на нее!.. «Власть всегда была у тебя», – сказал он ей, и Эмма оказалась настолько глупа, что поверила, позволив этой отравленной стреле вонзиться в её сердце и убить в ней всю ту благородную ненависть, что стояла между ними. Больше того – она была готова принадлежать ему, отдать душу и тело!.. А он...

Язычник, мерзкий пособник дьявола!..

Её везли в Руан незнакомые норманнские воины. Они обращались с ней учтиво, однако на каждом привале связывали, а рядом всегда находилось пара бдительных стражей.

– Почему бы вам не усилить охрану? – язвительно донимала Эмма седуосого Ботольфа. – Я ведь такая могучая! Запросто одолею ваших мечников и сбегу куда пожелаю!

Старый воин никак не реагировал на её выпады. Из всех сопровождавших её викингов только он один немного знал язык франков. Эмме волей-неволей пришлось прислушиваться к норвежской речи, запоминать слова, чтобы общаться, и Ботольф помогал ей в этом. Вместе с тем, держался он с пленницей очень ровно, даже сухо, обращаясь к ней лишь по мере необходимости. Но порой девушка ловила на себе пристальный взгляд его маленьких, ярко-голубых и холодных, как ледышки, глаз.

– Ролло сказал, что ты дочь графа из Байе и его жены Пипины. И мне странно, что он оставил тебя в живых. Рольв ведь знает, как умер его отец, первый завоеватель этого края великий Ролло Пешеход. Я был в Байе, когда его убили, и сам положил динарии на его остывшие веки. А теперь его сын подарил тебе жизнь... Хотя ради братишки Атли старший брат готов и небо и землю перевернуть и даже ввязаться в спор с самой Хель!

– Но я приемная дочь графа и графини, – осторожно отвечала Эмма суровому Ботто. – И в моих жилах нет ни капли их крови.

Викинг лишь хмыкал в усы, а на каждом привале по-прежнему стягивал ей руки и ноги сыромятными ремнями, давая караульному наказ не спускать с пленницы глаз.

– Рольв предупредил меня, на что ты способна. Он сказал, что ты хитра, коварна, как Хюльдра¹⁶, и ни о чем не помышляешь, кроме побега. Я дал слово, что у тебя будет столько же возможностей к бегству, как у коровы, пытающейся взлететь. Атли Нормандский ждет свою избранницу в Ру Хаме, и я передам тебя ему – это так же верно, как сама судьба.

Эмме становилось грустно. Разумеется, она обязана Атли жизнью, и еще в Сомюре он был с ней добр и заботлив. Разве для женщины это не достаточно – иметь заботливого влюбленного мужчину? Однако помимо своей воли она надеялась, что Ролло не откажется от нее. Эмма ведь знала, насколько хороша собой, и верила в силу своего очарования.

Напрасные надежды! И пусть Ролло и встречал ее в Руане сырым дождливым днем и даже, в своей обычной манере, подшучивал над пленницей, но это был не тот веселый обаятельный северянин, какого она знала, когда они шли по лесам Бретани. Ведь в её воспоминаниях Ролло оставался бродягой в лохмотьях с ножом за поясом, а теперь её глазам предстал влиятельный господин, правитель в богатом плаще, скотом на плече сверкающей фибулой, в сияющем венце с треугольным зубцом над бровями. Даже в этот хмурый день он показался ей окруженным светлым ореолом власти и могущества.

Но не это тогда впечатлило Эмму. Главное, что подле Ролло ехала верхом его блистательная королева – с длинными светлыми косами, в драгоценностях и сверкающей венце. А Эмма... Озябшая и жалкая в своей телеге, прикрытая грудой отсыревших шкур, с потускневшими не чесаными в пути волосами. И ей только и оставалось, что смотреть на светлокосую красавицу, которая владеет сердцем самого дерзкого и отчаянного викинга, даже несмотря на свое бесплодное чрево!..

С тайной дрожью Эмма почувствовала на себе странный взгляд необычных глаз супруги Ролло – черного и почти прозрачного, как опал. В следующий миг величественная красавица проследовала далее. Ролло же, хотя и задержался, едва взглянул на нее, обменявшись двумя словами с Ботто...

---

¹⁶ Хюльдра – дух скандинавских сказаний, представляет собой красивую девушку с коровьим хвостом, которая морочит голову мужчинам и подчиняет их себе.

Струны арфы грустно звякнули, когда Эмма задела их рукой. Она отставила инструмент и подошла к окну. Здесь оконный проем закрывал не простой деревянный ставень, а частая решетка, в переплет которой были вставлены тонкие роговые пластины, сквозь которые в покой проникает свет. И все же рассмотреть, что происходит снаружи, было сложно. И все же тогда, когда ее впервые привели в этот покой, а следом по наружной лестнице поднялся Атли, Эмма поняла, что отныне ее новый господин именно этот болезненный юноша.

Тогда девушка еще была слишком удручена своим поражением перед прекрасной и величественной женой того, кого в тайне сама надеялась покорить. Она понуро сидела на ларе у окна, а на вбежавшего радостного Атли посмотрела как на нечто не имевшее значение.

– Я устала с пути, – холодно ответила она брату Ролло на приветствие.

И пусть Эмма ошиблась в своем влиянии на покорителя Нормандии, но чувствовала, что его влюбленный брат полностью у неё в подчинении.

Юноша сам помог ей избавиться от намокшего плаща, был оживлен, сутился, не зная, чем еще угодить рыжей красавице. Эмма равнодушно глядела в его лицо – худое, с торчащим, как рыба кость, носом и скошенным вялым подбородком. Хороши были только глаза – синие, мягкие, полускрытые падавшими на лоб гладкими каштановыми волосами.

– Я так счастлив, что вновь вижу тебя, Эмма! – говорил Атли. – Когда мне сообщили, что Ботто Белый сопровождает тебя в Руан, я считал дни, оставшиеся до встречи с тобой! Скажи, ты довольна своим покоем? Это жилище местного епископа, но преподобный Франкон не стал возражать, когда я попросил его переселиться в другое строение. А это все, – развел он руками, – дворец епископа Франкона на острове посреди реки. Он мало пострадал от набегов, вот я и решил, что моей милой будет тут удобно и хорошо.

Он все заглядывал в глаза девушки, но она молчала, и Атли стал теряться. Викинг терялся перед пленницей! Эмма могла быть довольна.

Юноша старался ее задобрить, сообщая, что нашел для нее прекрасную арфу, раздобыл и очень большое зеркало, и...

Не договорив, он закашлялся, прикрывая лицо, и отвернулся. Его худое тело под синей туникой содрогалось и он вынужден был опереться на ларь. Когда же отдышался, Эмма жестко проговорила:

– Я, безусловно, твоя рабыня, но если ты прикоснешься ко мне – я убью себя.

У Атли плескалась боль в глазах, но когда заговорил, голос его звучал ровно:

– Ты не рабыня, Эмма. Я полюбил тебя, ты краше всех женщин, которых я знал. Мне самому не по душе тебя неволить, и я хотел бы одного – стать твоим другом. Может потом, когда-нибудь... Я...

Он снова закашлялся, и Эмма с отвращением отвернулась.

Однако, когда Атли вновь заговорил, упомянув – о том, что Ролло сторонник того, чтобы Эмма с Атли вступили в брак, – заявила, что она, как принцесса франков, не в праве распоряжаться собой.

– Мне уже сообщили об этом, – улыбнулся Атли. – Знаю и то, что Ролло уже отправил гонцов в Париж. Так что тебе ничто не грозит, ибо мой брат обещал герцогу Нейстрийскому, что с твоей головы ни один волос не упадет, если Роберт не предпримет военных действий против норманнов.

Эмма приглушенно ахнула. Так вот для чего Ролло похитил её у Роберта. Просто чтобы использовать как залог мира, поруку сделки, трофей, из-за которого можно торговаться с сеньором Парижским.

– Твой дядя принял это предложение, Эмма, – продолжал Атли, – выдвинув только одно условие: никто не должен знать, что ты из семьи франкских правителей. Ибо он уверен, что ты стала наложницей Ролло, и считает это позором для своего рода. Мой брат не стал разубеждать его, но по просьбе герцога заявил, что ты – дочь графа Беренгара из Байе. Надеюсь, ты

не станешь возбуждать гнев Ролло, утверждая иное. Брат дал герцогу слово, и будет весьма прискорбно, если ты не станешь считаться с его волей.

«Я все это время только и делала, что шла вразрез с его волей», – подумала Эмма, но что-то подсказывало ей, что обаятельный бродяга, сносивший её выходки, и гордый правитель, едва удостоивший её взглядом – совсем разные люди. Поистине, не следует выказывать чрезмерное своеволие. Теперь она лишена главного оружия – уверенности в своей красоте. Ибо женщина, что была рядом с Ролло, слишком прекрасна. Эмма чувствовала себя совсем слабой. Больше того – совершенно несчастной.

С этого дня она стала покорной пленницей. Атли не слишком докучал ей, и Эмма была признательна ему за это. Он был беспрестанно занят, но вечерами находил время навестить её.

В первые же дни её пребывания в Руане, он, как и обещал, представил её епископу Франкону. Тот чем-то напомнил Эмме её наставника отца радона – столь же рослый, тучный, с темными живыми глазами. Однако, если в лесном аббате многое осталось от простолюдина, каким он и был рожден, во Франконе Руанском с первого взгляда чувствовался потомок старинного галльского рода. И в том, как он держался, и в речи священнослужителя, и даже в том, как он расправлялся с обильными трапезами, которые столь любил.

– Тебе не стоит падать духом, – заявил ей достойный прелат, играя агатовыми четками, зерна которых проворно скользили между его удивительно подвижных и тонких для столь внушительной фигуры пальцев. – Я справлялся о тебе у норманнских братьев, – так он именовал Ролло и Атли. – Жизни твоей ничего не угрожает. Более того, Роллон обещал франкскому герцогу, что ты будешь жить в обстановке, подобающей твоему происхождению.

– О да! – усмехнулась Эмма. – А сообщил ли норманн моему сиятельному дядюшке, что желает уложить меня на супружеское ложе со своим хворым братцем?

Епископ удивленно приподнял тонкие подкрашенные брови.

– А разве ты еще не спишь с ним?

И увидев, как возмущенно вспыхнули глаза девушки, усмехнулся:

– Значит, Атли не многого требует от тебя. Что же тогда тебя не устраивает?

Эмма сумеречно глядела перед собой.

– Никому до меня нет дела, – грустно проговорила она. – Даже для дяди я стала всего лишь разменной монетой в его игре. Поэтому единственное, о чем я хочу попросить вас, преподобный отец, – это позволения удалиться в одну из Христовых обителей.

Епископ Франкон пожевал пухлыми губами.

– Не скрою, дитя мое, правитель Нормандии Роллон наделил меня кое-какими полномочиями в отношении моей паствы. Однако вряд ли он позволит мне взять под свое покровительство такой неслыханный трофей, как франкская принцесса, в чьих жилах течет кровь Робертинов и Каролингов.

– Но ведь я всего лишь безымянная пленница! – горячо возразила Эмма, поднося сжатые кулачки к лицу.

– У каждого из нас свой крест, – спокойно произнес Франкон. – Я так же вынужден идти на постоянный сговор с язычниками... Что же до твоих цепей... Дитя мое – ведь и Спаситель побывал в оковах, а мы почитаем себя его последователями. Твоя же доля высока. Подумай, Эмма, послужить залогом мира – великая честь. Поэтому не ропщи, укрепи сердце и гордись участью, доставшейся тебе.

Эмма фыркнула, попыталась сказать что-то еще, но промолчала. Епископ улыбнулся:

– К тому же я взял бы грех на душу, благословив тебя примкнуть к сонму невест Христовых. У тех, кто готов удалиться от мирской суеты, не должно быть столь яркого блеска в глазах и манеры столь горделиво вскидывать подбородок.

– Вы просто опасаетесь противостоять этим язычникам! – резко заметила Эмма.

Франкон полуприкрыл свои заплывшие жиром глазки.

– Да, мне приходится без усталости лавировать в мирской суете. Но одно я знаю, твердо... Теперь он смотрел на девушку и голос епископа стал неожиданно твердым:

– Мой первейший долг перед Господом – сделать все, чтобы не дать разгореться кровавой резне в этих землях. А так же поразмыслить над тем, как вырвать эти заблудшие души из толпы поклонников дьявола и поместить их в лоно нашей святой матери Церкви...

Чтобы эти варвары крестились? Тогда Эмме это казалось невозможным. Позже она узнала, что крещенные язычники не редкость в Нормандии. Но её это мало трогало. Какое ей дело было до язычников и христиан, до целого мира, когда она не знала, как ей жить самой. Уступить Атли? Постричься в монахини? Пытаться сбежать к франкам?

Ролло всё не приходил, а она не находила себе места и с ужасом осознавала, что скучает за ним, своим врагом и мучителем, отдавшим её другому...

От череды воспоминаний Эмму отвлек негромкий стук в дверь. Уже стемнело, и до нее донесся мягкий голос:

– Эмма, ты здесь?

Девушка невольно улыбнулась. Атли так и не избавился от робости перед ней. Хотя она и продолжала играть свою роль пленницы, им обоим давно было известно, кто у кого в плену.

– Входи же, Атли.

Он появился, склонив голову в приземистой арке дверей. Атли был высок, как и все викинги, но тонок, словно стебель тростника на ветру.

– Почему ты одна сидишь в темноте?

Атли кутался в длинный темный плащ. Маленькая кожаная шапочка без полей была надвинута до бровей. Его наряд свидетельствовал, что он только что вернулся со складов, расположенных в дальнем конце города, где вел учет доставленных накануне товаров.

– Ты был занят целый день? – вопросом на вопрос ответила девушка. – Много ли привезено из Бретани?

– Видят боги, весьма. Походы моего брата всегда удачны, и закрома Руана теперь полны до краев. Сам Ролло отправился отдыхать, и все легло на мои плечи.

Он пытливо поглядел на нее.

– Ты опечалена тем, что Ролло не посетил тебя? – юноша словно прочитал ее мысли.

– Какое мне до него дело? – отрезала Эмма.

Резко поднявшись, она подошла к Атли и почти материнским движением поправила сбившийся и волочившийся по земле плащ юноши. Она всегда становилась с ним нежна, когда сердилась на его брата. Сейчас, в полумраке, она не видела выражение лица юноши, но поспешила убрать руку, когда Атли склонился, чтобы коснуться её губами.

– С чем ты пришел ко мне?

Оказалось, что он явился всего лишь для того, чтобы позвать Эмму в город. Там сейчас оживление – викинги пируют после похода, пылают костры, устраиваются игрища. Собрались толпы горожан, музыкантов, бродячих фокусников, поводырей медведей.

– Конечно же, я готова! – оживленно откликнулась Эмма, накидывая расшитое яркой тесьмой покрывало. Что ей Ролло! Она намерена веселиться напропалую!

Едва они по мосту покинули остров с епископским дворцом, как оказались среди дыма и чада жарившихся на гигантских кострах туш. Толпа шумела на все лады. Эмма смеялась, пробираясь сквозь нее вслед за Атли.

– Пиво! Кому подогрето пива!

Кричали по-норвежски, но Эмма уже понимала эту варварскую речь. Она хохотала, глядя, как рослый, голый по пояс норманн зачерпывает огромным ковшом из котла пенный напиток, и плещет его в тянущиеся со всех сторон чаши. Здесь были и сжившиеся с норман-

нами местные франки, и воины Ролло. Эмма уже не удивлялась, видя, как запросто братаются с варварами её соотечественники.

Пылали костры, жир быков и свиней с треском и шипением стекал на угли, вспыхивая синими огнями.

Эмма получила свой ломоть поджаренного свиного окорока, ещё дымящийся, и впилась зубами в душистое мясо. Люди вокруг, среди которых попадались и нищие – когда еще им удастся так набить брюхо! – тоже торопливо ели. Викинги шумели, каждый стремился громче других поведать о своих подвигах, они перебивали друг друга, толкались, хлопали по плечам, хохотали, показывали столпившимся горожанам серебряные украшения, браслеты и гривны, хвастали дорогим оружием. От костра к костру бродили увешанные кувшинами продавцы вина и пришельцы с Севера, привыкшие к франкскому питью, щедро трясли мошной, смешивая напиток франков с брагой и пивом. Оно их веселило, они смеялись и пели, были и такие, кто среди всеобщего шума уже погрузился в дремоту.

Визгливо смеялись женщины, под звуки бубна плясал медведь. Толстый монах в засаленной рясе, обнявшись с язычником, учил его исполнять литанию.

У разрушенной часовни близ моста оставалось свободное пространство, и здесь шла игра «в кошку». На перекладине, лежавшей на столбах, был подвешен на веревке бочонок, и мужчины, пуская коней с места в карьер, проносились под ним, взмахивая палицами. В бочонке исходила истошным криком живая кошка. Эмма уже привыкла к этой жестокой игре и, посмеиваясь, примкнула к толпе зрителей. Тому из играющих, кому удавалось разбить бочонок и освободить злополучную тварь, доставался приз. Призов было немало – из общей доли добычи, которая никому не досталась по жребию. Поэтому и состязающихся было в избытке.

Там и сям сходились в схватке борцы. На открытом пространстве между костров двое воинов с завязанными глазами и связанные за щиколотки короткой веревкой, пытались оглушить друг друга мешками с песком. Не видя противника, они то и дело промахивались, сбивая друг друга с ног, падали. Эмма хохотала до слез, глядя, как они нещадно тузят друг дружку, не причиняя, впрочем, особого вреда. Зрители криками подбадривали состязающихся, повсюду заключались пари. В толпе было немало женщин. Скандинавки, отказавшиеся от своих традиционных головных платков, теперь, подобно франкским девушкам, носили длинные покрывала и головные обручи, а на груди – медные броши, величиной с тарелку. Попадались здесь даже рабы в ошейниках. Сегодня их не заставляли работать, они тоже выпили и угостились у костров. Наконец Эмма увидела, как здоровенный грузчик-франк одолел в борьбе норманна, и хохочущие викинги вручили ему приз – кусок сукна, в который тот завернулся, как в плащ, и стал приплясывать под всеобщий хохот и битие в ладоши.

Гремела музыка – варварски громкая, – рожки, бубны, тамбурины, слышалось нестройное пение. Эмма не заметила, как оставила Атли далеко позади, пробираясь туда, где начались танцы. Она отведала сладкого вина, раздумянилась, глаза её заблестели.

Молодежь танцевала у костров, подпрыгивая, притопывая и поднимая пыль, казавшуюся золотистой в свете пламени. Хоровод сменялся местными плясками, когда все разбились на пары. Эмму сразу же увлек в круг черноволосый кудрявый парень – нормандский еврей. Второй танец она плясала уже с норманном – бородатым, хмельным, но отчаянно желавшем обучиться скакать на франкский манер.

– Ты отопчешь мне все ноги, Кари, – смеялась, увертываясь, Эмма.

– Эх, Птичка, кабы ты ведала, как славно вновь видеть тебя, как славно воротиться домой!

Земля Нормандии уже стала для них домом...

Кари от Эммы потеснил Атли.

– погоди, приятель. Дай и мне разок сплясать с моей невестой.

– Клянусь копьём – ты счастливчик, Атли Нормандский, – уступая ему девушку, проговорил веселый Кари. – Взял в невесты такую красавицу – истинную лозу покровов!

Эмма уже привыкла к иносказаниям варваров, находя в них своеобразную поэзию. Смеясь, она положила руки на плечи Атли. Он коснулся её нежно, не сводя с её лица блестящих глаз. Покрывало у девушки сползло на плечи, волосы рассыпались, позвякивали серебряные браслеты на её запястьях. Вся она, с головы до пят, казалась невесомой и звенящей.

– Красивее тебя нет никого во всей Нормандии!

«Ролло так не считает», – мгновенно промелькнуло в голове Эммы, и сейчас же она отогнала мрачные мысли. Общее внимание ей льстило, веселье толпы возбуждало, как хмельное питье.

Внезапно она вздрогнула, заметив над толпой костистое, суровое лицо конного воина. Возвышаясь в седле, он пристально глядел на нее, насмешливо кривя тонкогубый рот. Рагнар Датчанин! Её враг, насильник, свидетель её позора и смертельного унижения!

Это было страшное воспоминание. И сколько бы Эмма не запрещала себе вспоминать, что ей пришлось пережить, застарелая боль в душе порой приводила ее в просто паническое состояние.

Вот и сейчас девушка метнулась прочь, не обращая внимания на оклики Атли. Пробившись сквозь толпу, она нашла укрытие у реки, где стояли баржи со штабелями бочек, и замерла, сжав рукой нагрудный крест. Дрожь от встречи с Рагнаром все еще не прошла и одно его присутствие в Руане указывало, что ей никогда не ужиться среди варваров язычников.

Перед Эммой катила свои воды величественная Сена. Река делала изгиб, омывая тяжелые быки старинного моста. Глыбы, из которых они были сложены, помнили еще времена римлян. Они казались вытесанными руками гигантов, которым оказалось под силу покорить мир, оставив о себе память на многие века.

Сейчас Эмма глядела на низкие, мощные арки моста, вспоминая, как год назад она точно так же стояла здесь и к ней вышел этот страшный Датчанин. С девушкой были два охранника, но они отступили, когда к ней приблизился Рагнар. Ведь он был одним из ярлов Ролло Нормандского, близким к нему человеком, и викинги не посмели перечить, когда он схватил Эмму за руку, тряхнул и громко расхохотался.

– Надо же! Птичка из Гилария! А я-то не верил слухам.

Он говорил по-франкски невнятно. Когда-то он прикидывался немым, дабы не выдать себя, когда лазутчиком прокрался в мирный Гиларий-в-лесу. Он был первым врагом, которого Эмма встретила на своем пути.

Тогда, все еще не выпуская перепуганную Эмму, он повернул к ней древко своей секиры и глумливо сказал:

– Ну как, красотка, узнаешь своего первого мужа?

Она завизжала и так рванулась, что Датчанин ее не удержал. Эмма же кинулась от него, почти не видя куда. Но тут же налетела на кого-то. И крик замер у нее на устах.

Это был Ролло. И неожиданно для себя Эмма припала лбом к его плечу, прячась от зла, которому он и сам был некогда причиной.

Она слышала его голос и слова, обращенные к ее насильнику:

– Я ведь велел тебе не донимать её, Рагнар!

– Но ты не велел мне и кланяться ей в пояс! Да, я имел её так, как пожелал, и сделал это по твоему же приказу, Рольв!

Пряча лицо на груди Ролло, Эмма почувствовала, как викинг вмиг напрягся.

– Ступай прочь, Датчанин! Но, клянусь Одином, это не последнее мое слово.

Эмма стояла по-прежнему прильнув к Ролло. По сути тогда это была их первая встреча в Руане, и когда норманн осторожно взял ее за подбородок и заставил посмотреть на себя, она неожиданно спросила:

– Где ты был так долго? Почему не приходил?

В серых прозрачных глазах конунга вдруг вспыхнуло что-то, как дальняя зарница. Но лишь на миг. Потом он просто повел её меж тесно стоящих домов и амбаров, где, несмотря на непогоду, стучали молотки и визжали пилы, – Ролло строил и расширял свой город. Эмма шла за ним как привязанная. Такое знакомое ощущение – следовать за Ролло, находиться под его защитой и покровительством. Это взволновало её куда больше, чем она могла предположить.

Но когда они вернулись во дворец епископа на острове, Эмма уже взяла себя в руки и держалась прохладно и учтиво. Атли, узнав о дерзости Рагнара, был рассержен и требовал, чтобы брат усла Датчанина из города. Не хватало еще, чтобы тот распускал порочащие слухи о невесте Атли!

Но Ролло сказал:

– Мне еще понадобится Рагнар и его люди. Остальное я решу сам.

Такой он был и никто не смел ему перечить. Но Эмма помнила и другое: она уже неплохо изучила язык северян и разобрала, как конунг сказал брату:

– Атли, если мне и следует кого-либо винить в том, что с ней случилось, то только себя. Тот день для меня – как незаживающая рана. И я... Никогда не прощу себе!

Эмма не могла себе объяснить, что она почувствовала тогда. Наверное это было похоже на облегчение. А может на злорадство. А может... на неожиданную нежность?

В любом случае, когда служанки стали накрывать на стол, а Ролло, набросив плащ, поднялся, чтобы уйти, Эмма загородила ему дорогу.

– Разве вы не останетесь разделить с нами трапезу, господин?

В её глазах была просьба. И Ролло заколебался, замер, так и не застегнув фибулу на плаще.

– Но...

Эмма заставила себя дерзко улыбнуться.

– Вы, Ролло, нередко бываете у нашего благодетеля епископа, однако нас с Атли словно сторонитесь. Неужели там, откуда вы родом, не принято навещать своих родичей?

Она тогда специально сказала о себе и Атли как о паре. И стоявший рядом юноша просял и тоже стал просить брата отужинать с ними. Но Ролло оставался мрачным. Лево́й рукой он все еще держался за застежку плаща, словно не решаясь принять это предложение, пока Эмма сама не приняла у него накидку, и конунг уступил.

С того дня Ролло стал у них частым гостем. Он приходил усталый и зверски голодный, однако всегда был приветлив. На эти трапезы к ним стал заглядывать и преподобный Франкон, и Эмме было интересно слушать их разговоры, споры, она смеялась их шуткам – все же епископ был остроумным человеком, а Ролло молодым веселым мужчиной, любившим посмеяться. И еще ей было приятно наблюдать, насколько духовный пастырь Руана и завоеватель этого края ладят между собой.

Эмма уже знала историю, как во время первого появления Ролло в Руане, Франкон вышел к нему навстречу с горсткой горожан и признал его власть, умоляя взять город под свое покровительство. Франкон сам поведал Эмме о событиях тех дней:

– Древний Ротомагус был дотла разрушен набегами викингов. Уцелели лишь каменные постройки моей резиденции на острове. Но они не могли служить защитой тем немногим беженцам, каких я смог приютить. И когда Ролло пришвартовал свою ладью на противоположном берегу, я помолился Пречистой Деве и ее Сыну, и с горсткой монахов отправился к нему по мосту, дабы молить о снисхождении. Причем, двигаясь во главе процессии, я уже был готов принять мученическую смерть. Но к моему изумлению, прибывший варвар не обошелся с нами сурово. Когда же мне удалось поговорить с ним, я убедился, что этот викинг вовсе не глуп и его планы не лишены здравого смысла. Именно в них я усмотрел прямую выгоду для нас, христиан града Ротомагуса.

С тех пор Франкон стал одним из ближайших советников Ролло. Конунг ценил его тонкий расчетливый ум, считался с ним, терпел даже его высокомерие и заносчивость. Ибо Франкон, даже пребывая в зависимости от Ролло, всегда держался так, словно оказывает язычнику благодеяние одним своим присутствием. Эмма, однако, отлично знала, как высоко Франкон ценит Ролло, сколько высокого он мнения о его достоинствах правителя. Даже те непримиримые диспуты, что они вели во время трапез, несмотря на горячий нрав норманна и надменность прелата, всегда оставались в пределах дозволенного.

Франкон был истинным гурманом, и Эмма следила, чтобы в дни его и Ролло визитов на столе всегда был отменный ужин. Она любила эти вечера, когда в тесном покое с выбеленными известью арками над головой и камином из красного кирпича дрожал ясный отблеск пламени, пахло доброй едой, а за окном шумел, как порожи́стая река, дождь. Франкон, в лиловой камилавке, с двойным подбородком, утопающем в меховом вороте его епископского облачения, плавно простирал пухлую руку с тонкими, почти дамскими пальцами, брал с деревянного блюда пирожок с начинкой из чесночной колбасы и осторожно отведывал, стараясь не забрызгаться обжигающим мясным соком. Эмма с удовольствием глядела, как святой отец ест. Викинги этого не умели. Даже Ролло поглощал пищу шумно и с жадностью. Небрежно отвернув широкие рукава туники, он рвал рыбу руками, отхватывал ножом здоровенные ломти мяса, птичьи кости так и хрустели на его крепких зубах.

Атли же почти не прикасался к еде – сидел, зябко кутаясь в короткую меховую накидку. Его знобило, он тяжело дышал. В непогоду он всегда чувствовал себя гораздо хуже, хотя и не показывать вида, крепился.

– Эмма, – однажды обратился к девушке Ролло, – правду ли говорит Франкон, что ты хочешь уйти в монастырь?

Он говорил, продолжая жевать, слова звучали невнятно, и от этого, казалось, пренебрежительно. Эмма вскинула подбородок.

– Об этом одном только и помышляю.

Она не задумывалась, что этими словами ранит Атли, потому, что их острие было нацелено в Ролло. Но тот лишь рассмеялся, вытирая запястьем губы, блестящие мясным соком.

– Так значит, красавица Птичка решила присоединиться к ноющим монахиням, чей небесный жених что-то не больно и торопится к ним?

Эмма возмущенно отставила чашу со сливками и взглянула на епископа, словно ища у него поддержки, но Франкона, казалось, сейчас интересуют только пирожки. Тогда Эмма ударила кулаком по столу:

– По крайней мере, это лучше, чем стать супругой язычника!

Ролло невозмутимо пожал плечами:

– И все же, когда Атли решит, ты станешь его женой. Уж если твоя знатность мешает ему уложить тебя под себя, как простую девку, вас следует поженить. Пусть меня утащит Локи¹⁷, если я понимаю, чего он медлит. Или тебе не по вкусу эта красотка, а, Атли?

– Эмма согласна стать моей только тогда, когда я приму крещение, – сдержанно отвечал юноша.

– А вот этому не бывать! – с шумом отодвинув блюдо, воскликнул Ролло. – Мои воины скажут: он предал своих богов, как на него положиться во всем остальном?

Атли справился с коротким приступом кашля.

– Многие из наших соотечественников уже приняли Бога христиан. И я полагаю, что Христос очень силен в этой земле, наши же боги немощны вдали от родины. Ко мне не станут хуже относиться, если я последую обычаю франков. Разве мы не носим те же одежды, что у них, не строим жилища на их манер? Что изменится, если мы примем крещение и признаем их

---

¹⁷ Локи – бог коварства и лжи.

Бога? Ведь Тор и Один не требуют, чтобы им поклонялись, как Иисусу. Мы можем приносить им жертвы, коль в том возникнет нужда, но если при этом нам придется ходить к обедне и есть вместо мяса рыбу во время поста, они не будут на нас в большой обиде.

Ролло приходил в гнев от подобных речей. Но никогда не сказал Атли ни единого упрека. Его раздражение выплескивалось на христиан – Франкона и Эмму.

– Это ваши происки! – указывал он на них перстом. – Вы пользуетесь тем, что Атли не воин и поэтому не склонен чтить воинственных повелителей Асгарда. Вы льете ему по капле яд в уши, внушая, что слабым надлежит поклоняться богу слабых!

– Почему ты решил, что Христос покровительствует лишь слабым? – с елеинной кротостью спросил Франкон. – Спаситель готов принять в свое лоно всякого, уверовавшего в него. Твоя удача, Ролло, удвоится, если ты познаешь истинного Создателя.

Ролло вызывающе захохотал.

– У человека столько удачи, сколько ему отпущено!

– Аминь, – осенил себя знамением епископ. – И все же тому имеются свидетельства. Один византийский историк повествует о бургундах, живших к востоку от реки Рейн. Они постоянно воевали с гуннами, но редко одерживали победы. И тогда их вождь решил креститься и привести к Христу свой народ, полагая, что раз уж старые боги не на их стороне, то новый сможет им помочь. И удача не заставила себя долго ждать: правитель гуннов вскоре умер ужасной и позорной смертью. Так исполнилось пророчество Писания, грозящее гибелью всем неправедным правителям. А затем, с Божьей помощью, бургунды разбили наголову трехкратно превосходящие силы противника.

Осведомленность епископа Руанского, всегда поражала варваров и вызывала невольное почтение. Но если Атли искренне восхищался Франконом, то Ролло он занимал скорее как интересный собеседник во время пиров. Он никогда не брал на веру его ученые рассказы, зачастую возражал, доказывая свое.

Эмма не раз принимала участие в их спорах, но далеко не всегда чистосердечно. Ведь Ролло настаивал на том, чтобы она дала согласие Атли, а Эмму это в глубине души обижало. И ни разу ей не довелось увидеть в глазах язычника того восхищения, какое возникало в них, когда она в изодранном платье и со спутанными волосами бродила с ним в лесах Анжу и Бретани. Она доказывала самой себе, что эти ее волнительные думы – ничто. И все же, стоило ей увидеть силуэт Ролло сквозь пелену дождя, услышать его голос, его дерзкий громкий смех, как сердце её принималось учащенно биться и она ощущала томление во всем теле.

Но что помогало ей растопить равнодушие в глазах Ролло – это ее пение. Он оставался холоден к её женским уловкам, но её голос – Эмма благословляла небеса за этот дар! – растапливал ледяную стену, которую конунг столь усердно возводил между ними.

Атли слушал её пение с отрешенным и мечтательным видом, епископ Франкон впадал в созерцательную задумчивость, даже стражи у входа прекращали свой гомон и, приподняв завесу в проеме двери, замирали, опершись о древки копий. Лицо же Ролло... Нет, она не ошибалась, – в его глазах вспыхивала нежность. Помнит ли он все, что они пережили в Бретани? Со стороны казалось, что если он и вспоминал о той земле, так только потому, что там остался его меч, сверкающий Глитнир, отнятый у конунга Нормандии старым ярлом Гвардмундом. И Ролло намеревался жестоко отомстить обидчику.

Все это Эмма вспоминала, когда, вернувшись из шумного города, погасила светильники и легла вместе с Атли на широкое ложе. Даже в темноте она чувствовала, что юноша не отрывает от нее глаз. От Атли слегка пахло вином, дышал он с натугой. Эмма лежала, закинув руки за голову и наблюдая, как отсветы тлеющих в очаге углей скользят по крестовинам дубовых балок перекрытий. Спустя минуту девушка почувствовала, как Атли придвинулся, его дыхание стало

сбиваться, а рука коснулась ее груди. Пора бы уже ей и привыкнуть, но она не могла побороть отвращение к хворому юнцу.

– Ты вынуждаешь меня уйти, Атли!

Она знала меру своей власти над ним. Атли с горестным вздохом отвернулся и глухо произнес:

– Я понимаю тебя, Эмма. Эта недавняя встреча с Рагнаром... Ведь Датчанин живое напоминание того, что с тобой сделали... по приказу моего брата!

Атли порой с какой-то потаенной обидой, словно нарочно, напоминал ей, что с нею случилось. Так он не давал девушке забыть, что спас ее именно он. Но Эмма не желала жить под гнетом страшного воспоминания. Тот кто смакует прошлые горести, не может жить полноценной жизнью! И она лишь повторила для Атли: когда он примет святое крещение, она согласится стать его супругой.

Это была заведомая ложь. Но что ей оставалось?

Атли еще долго ворочался, потом затих. Во сне он задыхался, дыхание со свистом и хлопотанием вырывалось из его груди. Эмма отодвинулась на самый край постели, перебирая в памяти, как вышло, что они с Атли стали спать в одной кровати. Просто спать, но все же это позволило, чтобы над юношей больше не насмехались викинги его брата.

Началось все после того, как Ролло услал младшего брата в Фекан, крепость на побережье Нормандии. Правда крепостью это скопление руин было сложно назвать: там высились и остатки башен времен римского владычества в Галлии, и полуразрушенные остовы некогда великолепного монастыря времен Меровингов¹⁸. Ну и частокол, возведенный уже при Ролло, чтобы охранять нормандское побережье от набегов его же соотечественников викингов.

– Я должен буду там следить за прибывающими в порт Фекана кораблями, – пояснил Эмме приказание брата Атли. И добавил важно: – Я намерен взять тебя с собой!

И уже тише:

– Ты ведь не откажешься?

Словно бы у нее был выбор!

Однако в пути Атли слег, едва их ладья спустилась к устью Сены. Море было неспокойным, сквозь вязкий туман едва виднелись силуэты чаек. Атли задыхался, лежа в шатре из шкур на носу корабля. Всем теперь заправлял молодой викинг Торлауг, друг и помощник Атли. Обычно веселый и смешливый, теперь он выглядел крайне обеспокоенным.

Эмму тоже встревожило состояние юноши и она стала уговаривать Торлауга вернуться в Руан. В конце концов там есть лекари-монахи, которые не единожды помогали брату Ролло своими настойками, да и у теплых каминов епископского дворца он скоро пойдет на поправку.

По щекам Торлауга, рябоватым от некогда перенесенной оспы, разлилась бледность. Он свел к переносью белесоватые брови.

– Приказ Ролло нельзя отменить. Надеюсь, когда мы прибудем в Фекан, Атли поест горячей похлебки и ему станет лучше.

Однако и по прибытии Атли не почувствовал себя лучше. Его перенесли в здание монастыря Святого Ваннинга, в котором обосновались местные викинги со своими женами и детьми, но среди флигельных построек некогда великолепного монастыря еще доживали свой век с дюжину старых монашек. Их настоятельница слыла искусной врачевательницей, однако от её снадобий Атли стало еще хуже.

Жены викингов Фекана посоветовали обратиться к местному жрецу из капища, в котором викинги приносили жертвы по благополучном прибытии в Нормандию. Жрец явился, опираясь на клюку, его седые волосы свисали до пояса, а борода достигала колен. Эмма пото-

---

¹⁸ Меровинги – династия королей франков, правившая во Франкии с V века до середины VIII. Предшествовала правящей в описываемый период династии Каролингов.

ропилась покинуть покой, где лежал Атли, столкнувшись у входа в башню с вереницей простоволосых пожилых женщин, брэнчавших бесчисленным множеством костяных и бронзовых амулетов. Перепуганные монашки разбегались от них в разные стороны, торопливо бормоча молитвы.

– Это вещуньи, – пояснил сидевший на ступенях Торлауг. – Они умеют говорить с богами и упроят их освободить Атли от душащей его Мары.

– Но несет от них, словно они родились в кошаре, – язвительно заметила Эмма. Почтения к священнослужителям северян у нее было не более, чем у викингов к Писанию.

Спустя пару часов Эмма не выдержала и поднялась наверх. Еще на галерее она услышала едкую вонь и увидела дым, пробивавшийся сквозь щели двери, ведущей в покой Атли. Не на шутку испугавшись, она бросилась туда, однако, оказавшись за дверью, оторопело замерла. В темном помещении с закрытыми ставнями нельзя было продохнуть от дыма едких трав, которые с завыванием бросал в жаровню бородатый жрец. Его растрепанные помощницы, стеноя и вопя, кружились вокруг ложа, на котором исходил непрерывным кашлем больной юноша. Он глухо стонал, откидываясь на окровавленные подушки, пока женщины-вещуньи, притопывая и хлопая в ладоши, творили в дыму колдовские рунические знаки.

Эмма сама едва не захлебнулась чадом. Старухи остановились и гневно замахали на нее, но девушка, растолкав их, бросилась к окну и рывком распахнула ставни.

– Убирайтесь все вон! – неистово закричала она и, схватив забытый у резного изголовья священный посох жреца, принялась колотить перепуганных вещунь с таким остервенением, что те опрометью, голоса, ринулись к выходу.

Со жрецом пришлось повозиться несколько дольше. Они таскали друг друга по комнате, ухватившись за посох, и браня друг друга на разных языках, до тех пор, пока в покой не вбежал встревоженный Торлауг. Добрую минуту он изумленно глядел на обоих, а потом так и зашелся от хохота.

Эмма опомнилась первой. Отбросив посох, она воскликнула:

– Прогони этого смердящего пса, Торлауг! Пусть убирается, если не желает, чтобы я донесла правителю Нормандии, что он намеревался уморить его брата!

Старик, кипя от ярости, едва снова не бросился на девушку, но Торлауг, все так же хохоча, подхватил его подмышки и выставил за дверь. Однако когда он вернулся, лицо его омрачилось – он увидел окровавленную рубаху и подушки Атли.

– Вот что, Торлауг, – сказала Эмма викингу. – Теперь я сама буду его лечить. Прикажи принести теплого красного вина, меду и масла. А также вели очистить очаг от этой дряни и доставить сюда побольше сухих можжевельновых дров. Отныне в этой комнате должны топить только можжевельником.

Торлауг, возможно, и опасавшийся, что разгневанный жрец и его вещуньи накличат на эту девушку порчу, все же велел их прогнать подальше и выполнил все её указания. Уже к вечеру Атли стало немного лучше: кашель стих, кровотечение прекратилось, на скулах появился румянец. Впрочем, это был неестественный, пятнистый румянец, скорее свидетельствовавший о болезни, нежели о выздоровлении. И все же дышалось ему свободнее, и он смог разговаривать.

Эмма, устроив его голову у себя на плече; полулежала рядом и поила Атли из рога горячим вином с медом и растопленным маслом. Юноша обливался потом, но в то же время его бил сильнейший озноб.

– Не уходи, Птичка, – взгляд его был умоляющим. – Не покидай меня!

– Успокойся, успокойся. Я теперь все время буду рядом.

Эмме было жаль юношу до слез. Только теперь она поняла, как дорог он ей. Он любил её, а главное – был её единственным другом, верным и совсем нетребовательным.

И она осталась на его ложе и в эту ночь, и во все последующие, когда Атли и в самом деле стал поправляться. Он был так слаб, что принимал к ней, как ребенок, обнимал и так затихал, лишь его негромкое хриплое дыхание слышалось под низким сводом, сливаясь с потрескиванием можжевельника в пылающем очаге. Эмма клала в ноги постели нагретые, обернутые полотном камни. Атли была дрожь, и девушка согревала его теплом своего крепкого здорового тела. Ночи они проводили как двое детей, нуждающихся друг в друге, как брат и сестра, но отнюдь не как возлюбленные...

Но однажды утром Эмма проснулась от странного и довольно неприятного чувства, что за ними кто-то наблюдает. Подняв голову от плеча Атли, она повернулась и застыла, широко распахнув глаза.

В белесом свете раннего утра в изножии их кровати стоял Ролло. Он возвышался над ними как утес, с застывшим лицом и плотно сжатыми жесткими губами. То, что Эмма прочла в его взгляде, было непередаваемо.

Девушка в растерянности попыталась натянуть на себя медвежью полость. Покой за ночь остыл, очаг угас, от стен тянуло каменной сыростью. Почти машинально Эмма отметила, что Ролло все еще в дорожном плаще. Неужели по прибытии он тотчас поднялся сюда?.. Зачем он вообще появился здесь?..

– Ролло...

Викинг вышел столь стремительно, что она не успела задать свой вопрос.

Спрыгнув с ложа и стуча зубами от холода, она стала торопливо одеваться. Но когда она, даже не затянув шнуровку сапожек, выбежала на галерею, то успела только увидеть, как мелькнул силуэт в светлом плаще, и расслышать удаляющийся стук подков.

– Не могу взять в толк, зачем приезжал Ролло? – заметил позднее Торлауг. – Он прибыл еще затемно, прошел наверх, а затем сразу вернулся, кликнул своих людей и умчался. Даже лошадям не дал остыть. Не связано ли это с тем, что он получил мое известие о том, что Атли занемог? Однако по такой распутице вряд ли гонцы уже успели добраться до Руана...

– Он убедился, что Атли пошел на поправку – ответила Эмма, и в голосе её звучало странное торжество. В её сердце вновь ожила надежда...

Да это было давно. До похода Ролло на Бретань. Но сейчас он вернулся. И сразу же опять умчался. К ней. К своей жене. Этой странной и страшной женщине с разноцветными глазами. Эмма боялась ее. В этой Снэфрид было что-то жутковатое. Но Ролло так не считал.

Эмма тяжело вздохнула, откидывая роскошное покрывало из барсучьих шкур. Внезапно она ощутила блошинный укус, и мысли её сразу вернулись в привычную колею. Необходимо завтра же велеть пропарить все меховые покрывала и проследить, чтобы в тростник на полу добавили полыни. Следует также поменять сбившееся сено в ложе и пройти по щелям кипятком. Кузнецу Одо пора заказать новые решетки на окна в нижний зал... Ох, сколько у нее завтра дел – не перечсть. И завтра, возможно, приедет Ролло... Она улыбнулась, засыпая.

Но Ролло не появился и на другой день.

Погрузившись в дела, Эмма долго не решалась спросить о нем, однако непроизвольно поглядывала время от времени на широкие ворота епископской резиденции, ожидая увидеть рослую фигуру всадника, услышать дерзкий мальчишеский смех.

Во время трапезы она все-таки обратилась к Атли, но тот разочаровал её ответом:

– Ролло никогда так скоро не покидает супругу.

Атли восседал во главе длинного стола и был одет, выглядел как франк. Хорошего сукна светло-рыжая туника до колен была подшита зеленой тесьмой с красивыми узорами. Облегающие ноги штаны так же были из узорчатой ткани и перевиты от башмаков до колен скрещенными ремнями. На голове кожаная шапочка с бронзовым ободком вдоль лба, на тонких запястьях – богатые браслеты. Достаточно рослый, Атли был, однако, узок в плечах и с впалой

грудью. При свете солнца, лившегося в распахнутые окна, было особенно заметно, что хоть он и молод, но лицо у него старообразное, с яркими пятнами нездорового румянца на скулах. На Эмму он не глядел, хотя и ощущал на себе её взгляд. И повторил:

– Сегодня мой брат вряд ли расстанется с Снэфридом. И не надейся!

В его голосе чувствовалось раздражение. Ранее он был более сдержанным, но та поездка в Фекан словно лишила Атли какой-то надежды. И хотя он тогда пошел на поправку, и Эмма по-прежнему спала возле него ночами, но днем она неизменно уходила от него. А когда возвращалась, то только и вела разговоры о том, чтобы оставить Фекан и возвратиться в Руан.

– Ты так хочешь вновь увидеть моего брата? – не сдержался однажды Атли.

Эмма лишь пожимала плечами. Дескать, на странный вопрос и отвечать нечего. И разве Атли сам не видит, что пребывание в Фекане, эта череда однообразных пустых дней становятся для нее почти невыносимыми. Она одиноко бродила среди руин старого поселения, часами в гавани ожидала кораблей викингов. Но море без конца штормило, порт был почти пуст, как и город. Во всем чувствовался упадок и оскудение. Люди выглядели изможденными. Нищие, похожие на скелеты, толпились у ворот гарнизона викингов, жадно вдыхая запах соленой трески, которую норманнские женщины варили в котлах под открытым небом. Порой варвары делились с ними остатками пищи, но при этом заставляли хулить своего Бога и возносить хвалу Одину. Из-за миски варева люди в отрепьях дрались насмерть.

Эмма возвращалась в монастырь. Старая настоятельница, горбясь у очага и суча желтыми пальцами грубую нить, рассказывала:

– Когда проклятые распяли Христа, святой Никодим собрал капли божественной крови в полый посох, изготовленный из фигового дерева, и пустил его по воде. И угодно было небесам, чтобы воды принесли этот посох к меловым скалам близ Фекана. Тогда же франки и основали здесь монастырь. А место это поименовано было Фицекампус – от слова «смоковница». Это язычники зовут его Фекан. Некогда Фицекампус был богатым городом, а монастырь процветал. Много паломников шли издалека, чтобы поклониться священной крови. Увы! Лукавый обольстил франков, сманил на стезю блуда и обмирщения, и кара не заставила себя долго ждать – норманны ворвались как черный смерч на земли Каролингов, сея ужас и насилие. Я была почти дитя, когда язычники разорили Фицекампус и осадили нашу обитель. Матушка-настоятельница и сестры решили обезобразить себя, дабы насильники не прельстились ими. Это привело норманнов в неистовство, и они безжалостно зарубили невест Христовых. Лишь те, что не коснулись себя, удостоились милости: язычники позволили им взять мощи основателя обители святого Ваннинга и уйти в земли, где еще почитают Христа. Я же и оставшиеся сестры... Да что говорить – ты сама видишь, сколь жалкое существование мы влачим...

Эмма слушала, заворожено глядя на крохотный язычок лампы. Норманны разрушили и аббатство Святого Гилария близ Сомюра, где она некогда жила, убили тех, кого она любила. Она поклялась отомстить, но как вышло, что она свыклась с насилием и научилась улыбаться врагам? А худший из них, Ролло, разбудил в её душе совсем иные чувства.

А потом Ролло прислал ладью из Руана за ней и Атли. Причем судно привел верный Ролло норманн Болли, и тогда Эмма не сразу распознала в этом приветливом учтивом нормандце того озверевшего викинга, который некогда насиловал под частоколом обители Гилария её подругу Сезинанду. К своему удивлению, она узнала, что Болли женился на светлоской пленнице, принял крещение и христианское имя Бернард, ибо Сезинанда настояла, чтобы они были обвенчаны в церкви.

– У нас скоро будет дитя, – весело сообщил он Эмме, – и Сезинанда уверяет, что Христос милостив к нам, а значит непременно родится сын...

Эмма, не отрывая взгляда от берегов Сены, спрашивала:

– Чем же не хороша дочь? Всякое дитя – милость Господня.

Они плыли в Руан на длинной ладье-драккаре. На утесах вдоль берега маячили длинные колья, на которых скалились черепа с остатками бород и волос, – так Ролло сообщал воинственным соплеменникам, что ждет их, ежели они посмеют вторгнуться в его владения. Болли с усмешкой косился на них, потом, помедлив, отвечал:

– Дочь... Дочери у меня уже есть от прежних наложниц. Но с Сезинандой я обвенчался по всем законам христианского обряда. И супруга моя клянется, что теперь у меня должен родиться только сын. Сезинанда пусть и не ведет свой род, как наши женщины, от небожителей Асгарда, но она хорошая жена и настоящая подруга викинга.

Так они мило беседовали, и Эмма от Болли-Бернарда узнала, что приказ Ролло вернуть их в Руан, связан с прибытием в столицу Нормандии посольства от Роберта Нейстрийского: герцогу надо убедиться, что с Эммой из Байе все обстоит благополучно. В то же время девушке отчаянно хотелось верить, что не только эта причина заставила Ролло возвратить их с Атли в Руан.

А еще Эмма размышляла, что ей сулит приезд посланцев от ее дяди Робертина. То что он не забывал ее, было приятно. Но что он хочет? Поднять ее статус у викингов? Однако она и так имела достаточно высокое положение и почти не вспоминала, что она пленница. Может ее хотят увезти из Нормандии? От этой мысли Эмме становилось не по себе. И пусть герцог Роберт был с ней всегда добр и великодушен, но все же он был ей по сути чужим. В то время, как Ролло... Ролло тоже держался с ней отстраненно, но что-то в его глазах давало девушке надежду. Надежду снова очаровать его и хоть так отомстить за прошлое. Или просто хотелось его очаровать. Для себя.

А потом она увидела на руанской пристани самого Ролло – веселого, властного, привлекательного, в широком меховом плаще и с растрепанными ветром длинными волосами. Эмма смотрела, как он обнимал Атли, а ей просто подмигнул, при этом взял за руку и стал увлекать за собой.

– Вот она, взглядишь получше, колокольный страж, – подтолкнул он девушку к рослому, богатырски сложенному аббату из Парижа. – Как видишь, с ней все в порядке. Да и что может случиться с женщиной, которую я отдал своему брату? Пока Атли благосклонен к ней, она будет жить не хуже франкских принцесс.

Эмма, немного испуганная и растерянная, стояла на бревенчатом настиле пристани под пронизывающим январским ветром, позабыв преклонить колена перед благословившим её преподобным Далмацием. Она все оглядывалась на Ролло, но в какой-то миг заметила его жену. Викинги называли ее Белой Ведьмой, и было в этой Снэфрид нечто такое, что Эмма была поверить в эти слухи. И если ранее Снэфрид едва достаивала Эмму вниманием, то сейчас, когда ее взял под руку парижский аббат, взгляд финки стал пристальным и недобрый. Но может так казалось оттого, что у этой женщины были такие странные разноцветные глаза?

Позже аббат Далмаций, звеня надетой под сутану кольчугой, спросил девушку:

– В Париже только и говорят, что дочь графа Беренгара из Байе стала наложницей Роллона Нормандского. Однако выходит, что вы, дочь моя, живете во грехе с его младшим братом?

– Это гнусная ложь! – свирепо огрызнулась Эмма. Ей не пришлось по душе настойчивые расспросы этого воина-аббата, не нравился его насмешливый взгляд.

– Ну как же так, дочь моя? Роллон сам утверждает это.

– Преподобный отец, удовлетворит вас, если я сообщу, что мы живем с Атли Нормандским как брат с сестрой?

– И вы не принадлежите в библейском смысле ни одному из нормандских братьев?

– Ни в коем случае!

Далмаций хмыкнул и окинул её с головы до ног откровенно плотоядным взглядом.

– В таком случае, либо вы владеете колдовскими чарами, удерживающими братьев на расстоянии от вас, либо оба они просто глупцы!

И он вызывающе расхохотался.

Эмма приблизилась, глядя на воинственного аббата снизу вверх.

– Вы не мой духовник, святой отец, и я не намерена вам исповедоваться. К тому же, я не вижу, что за дело вам или Роберту Нейстрийскому до того, с кем я делю ложе.

Аббат Далмаций сразу стал серьезен.

– Ошибаетесь, дитя мое. С кем предается греху графиня из Байе – это одно, а вот кому отдает свое тело принцесса франков – совсем иное дело. И ваш дядя, герцог Нейстрийский, весьма заинтересован в этом. Ибо от этого зависит, какой договор он уложит с Роллоном.

Но то, что Далмаций не получил указаний увезти племянницу Роберта из Нормандии было совершенно ясно. И пожалуй это принесло Эмме некоторое облегчение, ибо то, как держался с ней Далмаций, подсказывало, что ничего доброго в Париже ее не ждало бы. Так что скверный осадок, оставшийся от этого бесцеремонного допроса, не рассеял даже подарок от герцога – великолепное шелковое платье с золотым шитьем. Эмма велела убрать его подальше в сундук, решив, что если и наденет его когда-либо, то на это потребуются особые причины.

В ту ночь она вновь легла с Атли, заставив себя приблизиться к нему. Может с ним она сможет забыть о своем волнующем чувстве к Ролло?

Из этого, однако, ничего не вышло. Кроме мучительного напряжения и отвращения, когда Атли стал целовать её, в Эмме проснулся и страх. Из того что ей пришлось некогда пережить, она помнила, что соитие с мужчиной – это боль и мука. И её руки, только что обнимавшие юношу, вдруг уперлись ему в грудь, она оттолкнула его и, дрожа, отстранилась, пряча лицо в мех.

Атли невнятно бормотал какие-то нежные слова, молил о прощении. Ей же невыносимо хотелось расплакаться.

– Атли, я постараюсь, и когда-нибудь...

– Тогда я буду счастлив как никогда в жизни. Я по-прежнему готов ждать.

С тех пор Атли больше не прикасался к ней, хотя опочивальня у них и оставалась общей. Порой на ложе они болтали о том о сем, иной раз брали в постель лакомства, ели, смеялись. Эмме было бы хорошо с ним, если бы не этот жалкий, всегда умоляющий взгляд. Она отворачивалась, натягивая на себя тяжелые покрывала. Ночи были столь холодны, что к утру постель остывала, и Эмма во сне невольно льнула к Атли.

Она отвлеклась от воспоминаний, услышав на лестнице торопливые шаги.

– О чём размечталась, Птичка? – спросила улыбчивая Сезинанда, входя в покой.

Эмма сидела у окна, машинально наматывая нить на веретено. От звонкого голоса подруги она вздрогнула.

Статная, крепкая, с румянцем во всю щеку и синими лучистыми глазами, с уложенными вдоль щек толстыми косами, Сезинанда теперь вовсе не походила на тихоню, с которой Эмма когда-то бегала собирать росу в канун праздника мая близ аббатства Святого Гилария. Теперь в каждом жесте и взгляде супруги Бернара сквозили покой и довольство. Когда новый телохранитель Эммы Болли-Бернард представил ей по возвращении в Руан свою светящуюся счастьем жену, Эмма изумилась настолько, что не в силах была вымолвить ни слова.

– Неужели это ты, Сезинанда?..

– А кто же еще? – смеялась её прежняя подруга.

Действительно, она изменилась. Даже с Эммой она теперь держалась покровительственно, то и дело раздражаясь беспечным смехом.

– Кем бы я стала в Гиларии? – говорила она Эмме. – В лучшем случае, меня бы выдали за одного из монастырских сервов, я жила бы в дымной хижине, с утра до ночи гнула спину на аббатство и состарилась бы так же рано, как и моя бедная матушка. Теперь же в моем распоря-

жении целая усадьба, у меня есть и слуги, и рабы, а если я рожу Бернарду сына, он пообещал, что прогонит всех прежних наложниц, и я стану единственной госпожой в его усадьбе.

Эмма робко спросила:

– Но хоть любишь ли ты его? Я до сих пор помню, как он едва не зарубил твою матушку, как взял тебя, словно шлюху, под частоколом Гилария...

– Пустое, – махнула рукой Сезинанда. – Все плохое ушло. Новые побеги поднялись на пустыре. Я сразу понесла от Бернарда, и что мне оставалось, как не держаться за него. А он даже согласился креститься, чтобы порадовать меня. Правда, он не забывает и старых богов, но нас-то с ним обвенчали в храме как добрых христиан. Бернард так нежен и ласков, что я от его объятий просто хмелею. Ох, Эмма, стоит ли вспоминать, как он лишил меня девства, если с тех пор я познала в его объятиях столько счастья! А быть с любимым мужчиной... О, этот грех так сладостен!

– Фу, – невольно скривилась Эмма. – Что в этом может быть, кроме унижения и боли?

Но Сезинанда лишь расхохоталась в ответ.

– Господь с тобой! Неужто и Ролло, и Атли были столь грубы на ложе, что ты так и не узнала, почему коровы протяжно мычат, а кошки сходят с ума по весне?

Эмма почувствовала, что лицо её заливают жаркий румянец.

– Если ты и впредь станешь задавать мне подобные вопросы, я не пожелаю видеть себя в своем окружении, – сухо сказала она.

Сезинанда прогнала с лица улыбку:

– Раньше ты была со мной откровенна.

Эмма внезапно ощутила раздражение. Похоже, это у скандинавских женщин Сезинанда научилась так прямо держаться, так дерзко смотреть в глаза... Но, с другой стороны, у Эммы давно не было никого, с кем она могла бы поговорить откровенно.

– Скажи, Сезинанда, а не тоскуешь ли ты об аббатстве в лесу? Ты помнишь, как пахло мятой у ручья в сумерки? Как благовест монастырского колокола перекликался с голосом кукушки? Вспоминаешь ли, как мы с тобой убегали из монастырского сада, где рвали ягоды, а брат Тилпин с ворчанием преследовал нас? Или как прятались мы в дубраве от искавшего нас Вульфрада?

При имени сына кузнеца, в которого Сезинанда была тайно влюблена, по лицу молодой женщины скользнула тень, глаза затуманились.

– Слишком многое изменилось с тех пор, – тихо проговорила она, – будто и не с нами все это было...

Она вдруг шумно всхлипнула, потом задумалась, вздыхая. Так они и сидели в тишине, поглощенные общими воспоминаниями. И это молчание вновь сблизило их.

– Оставайся со мной, Сезинанда, – сказала, наконец, Эмма. – Твой Бернард – мой страж, ты же станешь моей дамой и помощницей.

Сезинанда отерла слезы краем головного покрывала и улыбнулась.

– Как могу я отказаться, Эмма! К тому же, это большая честь. Знаешь ли ты, как величают тебя в Руане? Принцесса Нормандская! Только не стоит больше ворошить прошлое! Честной крест, сейчас все по-другому, о другом и думать надлежит. У меня будет дитя... Но не хотела ли ты меня обмануть, намекая, что не любила ни с Ролло, ни с Атли?..

Когда же Эмма подтвердила сказанное, Сезинанда взглянула на нее с едва скрываемой жалостью.

– О Эмма! Знала бы ты, чего лишаешь себя!

Девушка смолчала. В её памяти смутно всплывало то волнующе острое ощущение, которое она испытала, когда Ролло осыпал её поцелуями в недрах пещеры друида Мервина. Однако гораздо реальнее было то смятение, какое она испытывала сейчас в присутствии Ролло. С Атли все обстояло совсем иначе. Сезинанда же говорила о том, о чем они шептались еще детьми,

подсматривая за влюбленными парочками или бегая дразнить молодоженов после брачной ночи. Но после разгрома аббатства для Эммы все это умерло, и надолго.

А потом Сезинанда родила крепкого, горластого мальчишку. Болли-Бернард устроил по этому поводу грандиозную попойку, а в монастырь отдал богатую золотую чашу, чтобы отблагодарить Бога христиан за его милость. К удивлению Эммы, Сезинанда дала сыну имя Вульфрад, и Бернард, ничего не ведавший о её прошлом, не возражал, заметив лишь, что сам он намерен звать ребенка Ульв – на норманнский лад.

И вот теперь Сезинанда стояла перед Эммой, напоминая, что та собиралась пойти к кузнецу Одо с делом и готова была сопровождать ее.

Несмотря на то, что этой осенью держалась ясная погода, воздух был довольно холоден. Эмма щурилась – в глаза били блики солнца, отраженного на медных шпилях, – и прятала руки под темной меховой накидкой. В городе ей нечего было опасаться – женщину брата конунга никто не осмелился бы донимать. Кроме того, повсюду хватало стражников, следивших за порядком, не говоря уже о двух викингах с копьями на плечах и широкими мечами у пояса, повсюду следовавших за нею.

На пустыре за мостом, где вчера пировали викинги, только груды костей и остывшей золы напоминали о прошедшем празднике. Теперь здесь толпились торговцы, заключая сделки, а обогатившиеся в походе воины Ролло, не торгуясь, покупали, что кому приходилось по вкусу. Серебро ненадолго задерживалось в их кошельках, и поэтому в мирную пору Руан кишел купцами из других областей Франкской державы. Здесь можно было услышать луарский говор и фризские слова, бретонский говор и парижские выражения. В порту на реке кипела работа – скрипели ворота, лязгали цепи, напрягаясь, гудели канаты, на палубах судов громоздились штабеля бочонков, мешки и тюки с товарами. Над ними с криком разрезали воздух чайки. Время от времени от причалов, грохоча по бревенчатому настилу, отъезжали тяжело груженные повозки. У края воды смолили лодки, и черный дым, клубясь, поднимался от костров к ясному небу. Здесь Эмма заметила Атли, наблюдавшего за разгрузкой одного из судов, и помахала ему рукой.

От пристани доносились запахи смолы и соленой рыбы. Медлительные мохноногие кони влекли к колесу водяной мельницы баржу с зерном. Мельница шумела, мелькая широкими лопастями обомшелого колеса. Рядом с запрудой тянулись деревянные мостки малой пристани, куда причаливали плоскодонные лодки рыбаков. Слышался смех прачек, стук их вальков, немного в стороне пылал костер, где братья-бенедиктинцы в темных рясах готовили похлебку для бедных. Нищие толпились вокруг, жадно вдыхая запах пищи, хрипло мяукали, дожидаясь нечаянной подачи, бродячие коты, путающиеся под ногами звенящих кольчугами рослых викингов.

Теперь Эмма многих из них знала в лицо и по имени. Она сдержанно отвечала на приветствия, и тем не менее ей нравилось читать восхищение в глазах мужчин. Она отбрасывала за спину капюшон, подставляя солнцу сверкающую огнем волну рыжих волос.

Эмма не любила посещать рынок невольников, располагавшийся за мельницами. Вид измученных людей приводил её в уныние, а запах покрытых застарелой корой грязи тел вызывал отвращение. Она огибала руины квадратной башни, камни которой частью пошли на восстановление моста, и сворачивала в узкую улочку, уводящую вглубь городских построек. Здесь было не менеелюдно, чем у реки. Стайки псов и детей сновали между прохожими, гогоча, пробирались к реке гуси, погоняемые горбатым рабом в ошейнике. Дребезжали горшки, горой наваленные в повозке, влекомой маленьким черным осликом.

Из открытых дверей харчевни доносились голоса бранившихся женщин, вылетал клубами чад прогорклого масла и жар печей. Телохранителям Эммы приходилось расталкивать прохожих, расчищая ей путь. Под ногами гремели доски, которыми были вымощены улицы в Руане. А вот дома в Руане были нередко из камня. Многие норманны, разбогатев в похо-

дах, отстроили некогда принадлежавшие местной знати жилища, даже обзавелись каминами с дымоходами, а также могли позволить себе такую роскошь, как окна, где в переплеты были вставлены листки слюды, куски промасленного холста и даже стеклянные шарики, весело блестящие в лучах солнца.

Были в Руане и церкви, так как никто тут не препятствовал молиться Иисусу Христу. Подчас среди пестроты городской застройки можно было увидеть портик, уцелевший с римских времен, широкие мраморные лестницы, на ступенях которых восседали закутанные в яркие плащи варвары, играя в шашки или затевая петушиные бои. Но за прекрасными античными колоннами, потрескавшимися и со следами копоти, часто виднелась грубо обмазанная глиной стена с завешенным шкурой квадратным входом. Изгороди большей частью были невысоки, и не составляло труда заглянуть в любой дворик, где тянулись капустные гряды, играли дети, а женщины белили холсты.

Да, Руан, некогда разрушенный и всеми покинутый, весьма скоро опять превратился в шумную житницу. Здесь, под защитой воинственного Ролло, люди познали спокойное существование, вновь начали жить, работать, плодиться. Выходило, что мир – высшее благо, по слову Спасителя, – принес в эту разоренную землю завоеватель с севера. Эмма уже давно перестала удивляться тому, как много франков решило обосноваться во владениях северных варваров. Здесь была твердая власть – в лице правителя-воина, сумевшего защитить свою землю, отбить охоту у алчных соседей совать сюда нос, впрочем не гнушавшемуся самому поживиться за их счет. Немудрено, что долгое время не признававшие власти Ролло франкские правители теперь все чаще слали к нему посольства, подчас даже покупая за золото его воинов, чтобы с помощью этих язычников одолеть соседей-христиан.

Когда Эмма узнала, что даже герцог Роберт нанимает у Ролло викингов, чтобы держать в повиновении своих феодалов, она пришла в ужас. И возмущенно спрашивала у епископа Франкона, как вышло, что христианские правители готовы натравливать на соседей христиан этих северных варваров?

Франкон смотрел на это философски.

– Разве мир куется не при помощи оружия? И разве король Эд, царственный брат Роберта, не поступал так же, чтобы смирять непокорных франков? А уж он-то ненавидел северян, как никто иной.

Эмма умолкала при упоминании её отца, Эда Робертина, а Франкон как ни в чем не бывало продолжал:

– Да будет тебе известно, дитя, что еще Амвросий Медиоланский, духовник императора Грациана, в своем учении о войне основной упор делал на соблюдение закона справедливости. Если война, писал он, способствует восстановлению мира, то такая война справедлива и является благом.

Эмма не могла не прислушиваться к его словам, а Франкон еще продолжал:

– Поистине Роллон Нормандский рожден быть правителем. После того как здесь хозяйничали Рагнар Лорброк, яростный Гастингс, безжалостный Сигурд и даже Роллон Пешеход, наши земли наконец познали истинное благоденствие.

Он поведал Эмме, как много сделал этот язычник для Ротомагуса: восстановил городские стены, отремонтировал мост, укрепил берега и отстроил восточные кварталы. Западные же, бывшие наполовину разрушенными, использовал для постройки новых жилищ, бань, служб, ибо старые пришли в полную негодность. Этот язычник повел себя здесь как истинный хозяин, и город называется ныне Руаном по полному праву.

Разумеется, Ролло зачастую ведет себя как язычник и соседние земли стонут от его набегов, но иначе и быть не может. Для тех же владений, которые он признал своими, его правление – подлинное благо. Северные воины, закаленные и дисциплинированные, почитают его как вождя и по его приказу готовы выполнять любые обязанности. Они обеспечивают город топ-

ливом, надзирают за строительством и занимаются ремеслами. Они разводят добрых коней, не позволяют угонять рогатый скот, ремонтируют и охраняют торговые пути. Ведь всем известно, что варвар и грабитель Ролло в своих землях поощряет торговлю. А разве то, что он не стал препятствовать восстановлению христианских церквей и смотрит сквозь пальцы, когда его воины принимают крещение, говорит о том, что Нормандия, может надеяться на милость небес.

– Но Ролло без устали толкует о набеге на Бретань, – порой напоминала Франкону Эмма.

Епископ согласно кивал круглой головой, но мысли его были словно далеко, и он кивал скорее им, а не насчёт замечания Эммы.

– Да, да, – бормотал Франкон, поигрывая агатовыми чётками. – Да, он варвар, но и его надо подвести к купели. Чего бы это ни стоило.

Станным человеком был епископ Франкон, духовный отец Эммы. Обычно духовник – очень близкий для женщины человек, но интуитивно Птичка чувствовала, что ей не следует полностью раскрывать душу перед епископом. Что-то подсказывало ей, что Франкон способен на все.

И еще Эмма замечала, что он все чаще советует ей быть приветливее с Ролло.

– Ты так дерзка с нашим правителем, дитя мое, что порой даже у меня дух захватывает. Конечно, пока ты под защитой Атли, тебе ничего не грозит. Но не могла бы ты быть любезнее с самим Ролло? Поверь, этот варвар заслуживает доброго отношения.

Этот разговор состоялся как раз перед тем, как Ролло стал брать Эмму в свои верховые поездки по Нормандии.

Все началось в тот день, когда Ролло подарил ей изящную буланую кобылку. Девушка была так довольна подарком, что сразу согласилась. Ведь она давно хотела овладеть мастерством верховой езды, а тут сам конунг едва ли не набивался ей в учителя.

Именно эти конные поездки по Нормандии способствовали тому, что между Эммой и Ролло сложились дружеские отношения, о которых прежде оба не могли и помыслить. Им было легко вместе, они болтали и смеялись, ощущая удивительное спокойствие, ибо им не в чем было упрекнуть себя при воспоминании об оставленном в Руане Атли.

Это было восхитительное время! После сырой ветреной зимы на мир опустилась благодатная теплая весна. С зеленых лугов доносились звуки пастушьего рожка; отошавшие после голодной зимы коровы, постукивая боталами, жадно паслись на первой траве; ветер нес запахи унавоженной земли с полей. Конунг указывал девушке на все, что считал достойным внимания. Они побывали у старых каменных башен, построенных еще императором Карлом Лысым, в которых теперь располагались норманнские гарнизоны. Вокруг каждого из таких укреплений выросли небольшие городки, где рядом с воинственными пришельцами спокойно уживались местные сервы. За пределами Руана норманны куда лучше владели языком покоренного народа, а браки между ними и женщинами франков стали самым обыденным явлением. Даже названия новых поселений являли собой причудливую смесь скандинавского и галльского наречий – Бевиль, Бекдаль, Эльбе, Гранвиль и тому подобное.

Правя своей лошады, Ролло говорил спутнице:

– Франки считают викингов посредственными наездниками. И в чем-то они правы. Наши мужчины предпочитают сражаться пешими, а в дальний путь предпочитают отправляться на ладье. Однако я задумал изменить это. Ибо считаю, что для удачного похода необходимо, чтобы речные суда по берегу сопровождала умелая конница.

Ролло показал ей, где разводят лошадей, предназначенных для походов. На сочных лугах табуны паслись привольно, а лучших из лучших отбирали опытные конюхи, помещали в специальные загоны и обьезжали.

Эмма как-то заметила конунгу:

– Однако вороной, на котором ты сидишь, Ролло, не местной породы. И я еще не забыла, что некогда он принадлежал мелиту¹⁹ Эврау Меченому.

Это было опасное напоминание. Они оба знали, что Ролло захватил этого прекрасного длинногривого жеребца во время набега на аббатство, где выросла Эмма. И тогда случилось много такого, что они оба желали бы забыть.

Но на этот раз Ролло отвечал довольно спокойно:

– Мой вороной не какая-то краденая лошадь, а я взял ее в противостоянии. Она трофеей войны, а это всегда достойно воина. И я зову своего коня Глад, что на моем языке означает Веселый. И более резвого и понятливого коня у меня еще не бывало. Ну что, рыжая, может проедемся вон до той излучины Сены?

И он пришпоривал Глада, а Эмма шенкелями и кнутовища посылала за ним свою легконогую буланую. Девушка уже овладела верховой ездой достаточно, чтобы получать удовольствие от быстрой скачки.

Вообще это были чудесные дни. Они не чувствовали себя завоевателем и пленницей, Эмма не дерзила норманну, а он был мягок и внимателен к ней. Ролло обучал ее охотиться с ястребом на открытых пустошах, они заезжали подкрепиться в небольшие монастыри, и девушка отмечала, что местные монахи уже не опасались завоевателя Нормандии. Конунг не переставал удивлять Эмму. Порой он словно по волшебству вновь превращался во властного и неприступного вельможу, надменного правителя, перед которым даже его соотечественники торопливо склонялись, а франки поселяне скидывали колпаки и спешили поцеловать его стремя. Вместе с тем он мог просидеть за кружкой пенного сидра с крестьянами в сельской харчевне, толкуя о простых, как земля, вещах, выслушивая их жалобы и при этом не забывая похвалить хозяйкину стряпню.

Они проезжали мимо полей, где зеленели обильные всходы, и Ролло довольно улыбался. Однако хмурился, когда видел заброшенные участки, поросшие дробом и дикими травами. Он говорил, что здешняя земля на диво плодородна, она может прокормить немало народа, и его забота как правителя сделать так, чтобы обезопасить эту местность. Конунг даже готов построить тут монастыри, раз уж христиане не могут обходиться без своих длиннополых попов. К тому же он заметил, что при обителях всегда царит порядок, святоши создают неплохие лечебницы и устраивают рынки. А Ролло выгодно получать налоги с торговли, где бы она не была.

Эмме, этой Птичке певунье, неожиданно интересно было вникать в его планы, она задавала правильные вопросы, и Ролло с удовольствием отвечал. Так он поведал, что задумывает нанять людей для осушения болт, а на новых пашнях лучше отказаться от тяжелых и неповоротливых волов в качестве рабочего скота, ибо уже изобретено новое упряжное приспособление – хомут, который позволяет использовать лошадь на пашне, не причиняя ей вреда и не надрывая на грудном ремне.

И опять Эмма дивилась тому, что так занимает этого завоевателя с мечом. Прежние пересуды, слышанные ею в детстве – о том, в каком запустении лежит Нормандия, – ушли в прошлое. Повсюду она видела неторопливо ведущих борозду крестьян; видела и пастухов, которым и в голову не приходит угонять свое стадо в болота или лес при виде отряда викингов; а у старых развалин местные жители разводили фруктовые деревья. В этих местах силуэт вооруженного норманна уже становился символом прочности бытия, и крестьяне-франки охотно селились подле старых каролингских крепостей, которые подняли из руин завоеватели с севера. Теперь они служили новым поселенцам порукой от набегов враждующих меж собой франкских феодалов, которые были не прочь пожить в владениях северных соседей.

---

¹⁹ Мелит – воин-профессионал.

Язычники-ярлы тоже иной раз сталкивались между собой, оспаривая вновь обретенные владения. Однако власть Ролло в Нормандии была достаточно сильна, чтобы держать их в повиновении. К тому же в таких случаях он действовал отнюдь не милосердными средствами. И виселицы у въезда в любое поселение никогда не пустовали – закон северного вождя был жесток.

– О, Ру! – вопили те, кто требовал справедливости от своего правителя, выбегая к дороге, чтобы привлечь внимание Ролло и рассчитывая на скорый суд.

Бернард, остававшийся при Эмме, когда Ролло отправлялся вершить справедливость, сообщил ей, что конунг опирается на скандинавский закон, по которому, если совершена кража, то и вор, и его укрыватель равно наказывались виселицей. Если же некто возводит обвинение на другого без достаточных на то оснований, он платит крупный штраф.

– У Рольва нет, как у франков, судей и нотариев, которым приходится платить жалование за разбор тяжб. Поэтому все вопросы общинам приходится решать самим. Лишь самые сложные дела и каверзные споры остаются на долю правителя. Допустим, некто украл железный лемех из кузни и скрылся. Кузнец имеет право бросить клич «аро!», что, в сущности, означает обращение «О, Ру!», и ежели вор покинул пределы селения, то клич этот, как призыв искать вора, передается из селения в селение, от общины к общине, от фьефа к фьефу²⁰ до тех пор, пока похититель не будет пойман и вздернут в петле. И это очень действенный закон, – продолжал Бернард. – Немудрено, что тяжб о краже в Нормандии становится все меньше.

Однажды Ролло возвратился после отправления суда в отдаленном от дорог городке в великой мрачности и смущении.

– Нелепое дело, трижды разрази меня гром! Глупая поселянка припрятала в доме плут собственного мужа, завалив его ветошью. А когда муж возвестил о краже и все принялись искать вора, промолчала в надежде, что община чем-либо возместит мнимо утраченное. Позже она все сказала мужу, и теперь уже оба молчали, пока обман внезапно не открылся.

– И как поступил суд? – поинтересовалась Эмма, когда Ролло ненадолго умолк.

Они сидели в пропахшем навозом и прелым тростником помещении старой башни, где среди горящих плошек на столе была разложена нехитрая снедь.

Ролло ответил не сразу. Отодвинув блюдо с жареной рыбой, он вытер губы тыльной стороной руки.

– Закон есть закон. Обоих обвинили в краже и повесили. А чтобы впредь никому неповадно было шутить подобным образом, поселяне, признавшие женщину более виноватой, повесили её особым образом – голой и за ноги.

– Но ведь это же была не настоящая кража! – возмутилась Эмма. – Нет, Салический закон франков куда более милосерден.

Ролло сделал из кувшина добрый глоток и мрачно воззрелся на девушку.

– Милосердие – это семя, которое надлежит бросать в уже подготовленную почву. Иначе его чахлый побег вскорости будет заглушен бурьяном беззакония и подлости.

Однако Эмма все не могла успокоиться, и тогда Ролло обратился к Бернарду:

– Завтра по пути в Руан мы свернем в лес Марре и покажем ей, что мои законы дают добрые всходы.

И Эмма действительно была поражена, когда на другой день у развилки дорог на суку старого дуба увидела два тяжелых золотых браслета, поблескивавших на солнце среди яркой весенней зелени.

– Они висят так уже скоро год, – облокотившись о лук седла, сказал Ролло. – И никто не осмеливается снять их из опасения прослыть вором – тем, кого рано или поздно настигнет клич, «аро!»

---

²⁰ Фьеф – феодальное поместье с господским двором.

Поистине воля и разум её тюремщика вызывали восхищение. Тюремщика? Она забывала об этом. Ни с кем и никогда она не чувствовала себя столь свободной, как рядом с Ролло.

После отлучек, длившихся порой более недели, они возвращались в Руан. У конунга всякий раз накапливались дела в столице. Эмма же, как и всегда, уединялась на острове во дворце епископа, и вдруг замечала, что ее охватывает тоска.

Атли замечал ее состояние.

– Сдается мне, что только с моим братом ты бываешь по настоящему веселой.

Эмма отмалчивалась. Она не была слепа и видела, что Атли не нравятся ее отлучки с его старшим братом. И если он до сих пор не донимал ее упреками, то только потому, что полностью доверял Ролло.

Но была еще Снэфрид. Франкон и подруга Сезинанда уже намекали Эмме, что та все чаще интересуется, куда ездит ее муж с невестой Атли. Причем Сезинанда добавляла, что Эмме не стоит злить Снэфрид, ведь недаром многие норманны считают, что она ведьма.

Эмме стоило задуматься над этим. Но она была так счастлива, так беспечна. И только однажды девушка осмелилась спросить у самого Ролло:

– Ты много мне открыл о том, что происходит в Нормандии. Но в то же время люди мне говорили, что эти дела не больно интересуют твою королеву?

Лицо Ролло стало непроницаемым.

– Зачем ей все это? Она – моя женщина, и этого совершенно достаточно.

Несмотря на холодность его тона, Эмма рискнула продолжать:

– Но я повсюду вижу, что ваши женщины принимают живейшее участие в делах мужей. Куда большее, чем это принято у франков с их супругами. Снэфрид же, похоже, ни до чего нет дела.

– Так и должно быть. Что толку, если женщина начнет докучать советами и просьбами?

– Но Снэфрид ведь не простая наложница викинга. Ты сделал её королевой, а это значит...

– Да хранят нас боги от вмешательства женщин в дела правления! И разве ты, Эмма, не знакома с вашими хрониками и не помнишь, что творилось во Франкии, когда в деяния мужей вмешались две юбки – Брунгильда и Фредегунда?

И снова этот варвар удивил Эмму своими познаниями. Он был посвящен в историю франкского королевства! Но она вспомнила: ах, да, Ролло ведь любит беседовать с отцом Франконом о прошлом этой земли.

Но когда она поведала об этом разговоре Атли, тот заметил, что Ролло не терпит, когда кто-либо касается его отношений со Снэфрид.

– Пожалуй, мой брат и сам сознает, что Снэфрид не та женщина, которая должна быть у такого великого правителя. Но увы, Ролло никогда не расстанется со своей финкой.

И Атли рассказал Эмме, как Снэфрид отказалась от своего высокого положения в Норвегии, чтобы бежать с изгнанником Ролло.

Эмма была невольно поражена, но вместе с тем поняла, что Атли гораздо сильнее недолюбливает жену брата, чем она полагала. Когда она попыталась расспросить его о причинах этого, Атли перевел разговор на курьезный случай, когда Ролло не пожелал даже выслушать послов короля Карла, предлагавшего ему руку принцессы Гизелы, если конунг согласиться креститься и признает власть Каролингов.

– Ролло решил, что я должен стать его наследником и куда надежнее вступить в союз с могущественным и популярным среди франков герцогом Робертом, связав браком нас с тобой.

В это мгновение взгляд его был красноречивее слов.

Эмма потупилась.

– Ты знаешь мое условие, Атли. Попробуй уговорить Ролло.

Она не хотела думать, что произойдет, если Ролло даст согласие. Но надеялась, что этого никогда не произойдет. Ибо что бы там не говорил конунг, она сердцем женщины чувствовала, что мила ему.

Их поездки прекратились, когда Ролло сосредоточил все свое внимание на бретонском походе. Тогда, ближе к лету, в Руан стало прибывать все больше судов с викингами, ковалось оружие, город гудел, как улей, и только и разговоров было, что о походе в Бретань – «Походе меча», ибо всем было известно, что Ролло намерен вернуть себе захваченный у него знаменитый меч его отца Ролло Пешехода.

Единственным утешением для Эммы в эти дни было то, что Атли порой брал ее во дворец Ролло и она видела там своего варвара. Своего? Она старалась не задумываться о своих чувствах, опасаясь, что разум заставит ее вспомнить, как некогда она жила только мстью. Но как давно это было!

Однако несмотря на её увлечение Ролло, её чувства к нему были еще по девичьи наивны и романтичны. Порой, она мечтала увидеть его влюбленным, покорным. Вот тогда-то она и поглумиться над ним, припомнив все... припомнив свою месть. Ведь не навсегда же она забыла о ней, поддавшись обаянию своего пленителя? Но от Ролло исходила такая сила и страсть, что Эмма опасалась, что если конунг только пожелает, он возьмет её всю...

Сезинанда утверждала, что плотская близость тел – восхитительна. Эмму же это пугало. Она невольно отшатывалась от Ролло, когда чувствовала силу его рук, снимавших её с коня, порой по её спине пробегал холодок – когда замечала блеск его глаз, окидывающих её с ног до головы, слышала его учащенное дыхание... Но она научилась не бояться его. От того, что она называла похотью, она как щитом была ограждена преданностью Ролло младшему брату. Ролло и Атли... Атли всегда очень много значил для Ролло...

Ролло и сам замечал ревность брата. Он понимал, что Атли страдает, видя, как сблизилась его великий брат и любимая женщина. И конунг решил положить этому конец.

Как-то он в одиночестве приехал под вечер в епископский дворец и направился к тому крылу, где жил его брат со своей избранницей. Завидев его с галереи, Эмма сбежала по ступенькам крыльца, подхватив под уздцы его вороного Глада.

– Рада приветствовать тебя, Ролло! Большая честь: среди стольких забот великий властитель нашел минуту навестить столь незначительную особу!

Эмма понимала, что Ролло известно о том, что ни епископа Франкона, ни Атли сейчас нет во дворце, а это значило, что ехал он именно к ней.

Не глядя на нее, конунг неторопливо перенес ногу через луку седла и спрыгнул на землю.

– Думаю, пришла пора нам поговорить, Эмма.

Но, завидев волнение на ее красивом личике, невольно смутился. Стал говорить, что привез ей подарок.

Он и в самом деле привез таковой. Подарком оказался длинный меховой плащ из рыжих лис, большой капюшон которого был красиво выложен светлыми и темными оттенками лисьего меха, образуя пушистый узор, и завязывался под горлом шнурками с пышными помпонами.

Ролло сам накинул на девушку эту мягкую роскошь и засмеялся любуясь ею.

– Вот теперь ты вся рыжая. И как хороша!

– Хороша? Тогда я буду носить его, несмотря на то, что на подходе лето, – смеясь сказала Эмма, и не удержалась, чтобы не метнуть на конунга кокетливый взгляд из-под длинных ресниц.

Он шумно вздохнул и отошел от нее. Сел за длинный стол, положив на него свои сильные руки. Смотрел прямо перед собой.

– Думаю, Эмма, что перед отбытием войска, я все же увижу, как Атли оденет на тебя брачные браслеты. Я так решил!

– Ну и что? – внезапно холодным колючим тоном ответила Эмма, и в ней в единый миг ожила непокорная строптивница из Гилария-в-лесу. – Что с того, что ты так решил, великий Ролло?

Они находились в большом светлом покое, где обычно совершались трапезы и откуда Ролло, едва они вошли, удалил слуганок. Его голос гулко отдавался под низкими арками пустого помещения.

– Мое решение не обсуждается ни одним смертным в пределах Нормандии! И ты будешь покорна, как и все остальные. Я сказал – вы выпьете с Атли свою брачную чашу перед моим отбытием – и это решено!

Она узнавала в его голосе знакомые стальные интонации, каких все так боялись, и невольно сама испугалась. Но так просто уступать она не желала. Поэтому, рывком сбросив на пол роскошный лисий плащ, девушка набрала в грудь побольше воздуха.

– Ты хочешь сказать, что мы с твоим братом предстанем перед алтарем?

Это был последний козырь, и Эмма на него очень рассчитывала.

Ролло даже побледнел от гнева и его Покоившиеся на дубовой столешнице руки норманна в золотых наручах сжались в кулаки.

– Пусть возьмет тебя Локи, девушка! Ты отлично знаешь, что этого никогда не будет!

– Тогда я не понимаю, зачем ты пришел.

А затем больше часу они бранились и кричали друга, чего не бывало уже давно.

– Я ненавижу тебя, Ролло! – вопила девушка, как когда-то давно. – Ненавижу тебя и твоего брата! Ты можешь насильно влить мне в горло этот ваш брачный напиток, но, клянусь святыми угодниками, на следующее утро Атли найдет на ложе рядом с собой холодный труп!

– Ты не посмеешь это сделать!

– Видит Бог, я не кукушка и не кукую впустую, и воспользуюсь единственным выходом, который вы мне оставили. Посмотрим тогда, что ты станешь говорить Роберту Парижскому, варвар, похваляющийся незыблемостью своего слова!

Ролло вдруг рванулся к ней, и Эмма подумала, что сейчас он её ударит, сжалась, втянув голову в плечи. Но он остановился рядом, унимая бешено свистящее дыхание. Глаза его горели как у волка.

– Франкон не одобрил бы то, что ты намерена сделать. Мне известно, что у христиан считается тяжелейшим из грехов наложить на себя руки.

– Прелюбодеяние, к которому ты меня принуждаешь, – не меньший грех.

– Прелюбодеяние?

Он криво усмехнулся:

– Ах да! Но ведь ты же еще зимой взяла этот грех на душу, решив разделить ложе с моим братом.

Эмму вдруг осенило:

– И у франков, и у норманнов настоящей супругой принято считать лишь ту женщину, которая родила своему мужу наследника. Вот что, Ролло, я соглашусь на брак с твоим братом лишь тогда, когда пойму, что понесла от него.

Ролло вдруг отшатнулся от нее. Лицо его стало бледнее беленых известью стен. Казалось, он смотрит на нее целую вечность. Затем кивнул:

– Будь по-твоему.

Хищно, по-волчьи, усмехнулся:

– Надеюсь, это случится еще до того, как я вернусь.

Эмма долго глядела ему вслед. Потом улыбнулась, но улыбка тотчас сменилась гримасой. Губы ее дрожали, словно от плача, но глаза оставались сухими.

– Я все-таки ненавижу тебя, Роллон Нормандский.

Он уехал, оставив её заботам Атли. Эмма была мрачна и необщительна с юношей как никогда. Потом, вновь лечила его – жалкого, нелюбимого. Думала же о том, другом...

Но вот Ролло вернулся. Он отвоевал свой меч, а Эмме в подарок привез отрубленную голову. И все. Его ждала Снэфрид и он умчался к жене... Ведь у него была его прекрасная Лебязьебелая. Что ему было до пленницы, не признававшей его приказаний?

3

Всё предвещало дождь: резкие порывы ветра, сумрачное небо, где едва различимый серп луны все глубже увязал в пелене туч, запах влаги. Но, несмотря на это, вся набережная Руана была заполнена людьми. Их было хорошо видно в зареве множества пылающих смоляных бочек, поднятых на столбах над толпой. Ревели рога, перекликаясь с вечерним гулом колоколов. Вздвухшаяся с приливом река вносила в гавань все новые и новые черные ладьи – огромные, оскаленные драконьими мордами.

Они шли под полосатыми парусами, замедляя бег при подходе к причалам. Величественное и грозное зрелище – драккары викингов. В любом другом месте при одном известии о появлении кораблей под полосатым парусом жители бежали бы куда глаза глядят, унося детей и угоняя скот. Здесь же, в Руане, людей словно магнитом тянуло в гавань.

Эмма, кутаясь в рыжий мех лисьего плаща, стояла у перил моста. Звуки труб привлекли её сюда из скриптория, куда их с Атли зазвал епископ взглянуть на диковину – рукописные книги с недавно изобретенными знаками пунктуации, что делало чтение более удобным. Внезапно в скрипторий вбежал Бернард и отчаянно завопил, что получено известие, будто к городу приближается флот Олафа Серебряный Плащ, и Ролло уже выехал навстречу побратиму. Атли опрометью кинулся готовить все необходимое для приема.

– Кто такой этот Серебряный Плащ? – спросила Эмма епископа Франкона.

– Один из викингов, которые были с Роллоном, когда тот впервые прибыл в эти края. Олаф помогал Ролло укрепиться в Нормандии. Но прошлой весной отправился снова в поход, ибо всегда был больше викингом, чем правителем. В сущности, он неплохой человек, по крайней мере, куда лучше многих из этих варваров – своих соотечественников, хотя и закоренелый язычник. Вести от него приходили редко, и, думаю, Ролло рад встрече. К тому же говорят, Олаф побывал в Норвегии, а Ролло наверняка хочется услышать вести с родины.

Эмма собиралась было еще порасспросить епископа, но наступило время вечерней молитвы, и Франкон поспешил выполнить свой долг. Тогда она отправилась к пристани.

Яркое зрелище невольно увлекло. Неожиданно Эмма увидела самого конунга. Ролло спускался с одного из драккаров. Ветер развеивал его длинный светлый плащ, на разметавшихся волосах блестел серебряный обруч. Эмма не могла оторвать от него взгляда. Как всегда, её зачаровали кошащая мягкость и грация его движений, вдвойне удивительные при недюжинной силе и мощи Ролло. Эмма стояла достаточно близко, чтобы конунг мог заметить её в блеске пламени. Однако его сейчас же заслонил прыгнувший с борта корабля на бревенчатую пристань викинг. Эмма неосознанно отметила, что на нем блестящий плащ из церковной парчи, на миг удивилась и тотчас поняла, что это и есть тот самый герой, из-за которого и устроен весь этот шум. Но уже в следующий миг она ахнула – и с нею и вся толпа: Серебряный Плащ, ступив одной ногой на самую кромку бревенчатого настила, покачнувшись, отчаянно пытаясь поймать равновесие. Казалось, вот-вот он рухнет в воду. И хотя пристань была невысока, было очевидно, что при падении викинга может придавить бортом покачнувшегося при прыжке судна. Однако Олафу, хоть и с трудом, но удалось сделать шаг вперед – и толпа перевела дыхание.

Стоявший подле Эммы охранник Бернард рассмеялся.

– Он сделал это нарочно, чтобы показать свою удалость. Тот, кто осмелился бы кинуться и нему на помощь, стал бы всеобщим посмешищем. Олаф всегда был большим шутником.

Эмма видела, как Олаф приблизился к Ролло, и тот, все еще смеясь, ударил его по плечу. Вокруг них сомкнулось кольцо воинов, приближенных Ролло, рабов, спешивших ошвартовать драккар. Все новые норманны сбегали по сходням. Начался дождь, и неошкуренные бревна причала стали скользкими.

– Пора возвращаться, Эмма, – произнес Бернард, – сейчас польет, как из дырявого меха. А на пир нас позовут.

Обнимая прибывшего друга, Ролло исчез в толпе. Люди стали постепенно расходиться, так как пошел дождь, и Эмме ничего не оставалось, как отправиться через мост на остров, где темнели стены монастыря подле епископской резиденции.

В жилых помещениях дворца царил суматоха. Пронесся слух, что вновь прибывшие викинги, едва ступив на землю Нормандии, начали подготовку к пиру.

– Для них что день, что ночь – все едино, – ворчала Сезинанда, встряхивая и развешивая перед камином плащ Эммы. – Эти северяне не ведают, что такое усталость. Бернард велел приготовить нарядную тунику и готов хоть сейчас отправиться пировать. Говорят, Ролло уже послал Рагнара в загородный монастырь за своей женой.

Эмма вдруг резко встряхнула головой.

– Вот что, Сезинанда, вели взбить мне перины. И пусть подогреют воду для купания, и принесут чистую рубаху.

– Но, Птичка, ты – невеста Атли, за тобой могут прислать с минуты на минуту!

Эмма пожала плечами.

– Это еще не значит, что я должна куда-то идти.

Все это было чистой бравадой. На деле Эмма страстно желала, чтобы её позвали, чтобы Ролло прислал за ней. Однако она нарочито много времени провела в лохани и не менее долго сушила волосы у камина. Никто не явился, и Эмма решила, что повела себя правильно. По крайней мере, челяди не о чем будет болтать впоследствии. И тем не менее она чувствовала себя задетой, едва ли не оскорбленной.

Прыгнув в остывшее ложе, она натянула до кончика носа роскошное меховое покрывало и подумала о Снэфриде Лебязьебелой. Эта женщина, конечно, уже прибыла в Руан. Что ж – достойная пара язычников... Эмма ворочалась в раздражении, воображение мучило её, подсовывая картины: Ролло сжимает в объятиях беловолосую финку...

Эмма вспомнила набег датчан этим летом, когда Атли вынужден был обратиться к Снэфриду за помощью. Ведь все понимали, что ему не под силу отразить отряды чужаков, ибо именно по его вине они смогли достичь Руана и осадить его. Эмма в те дни слышала немало грубых и непочтительных слов о брате конунга-правителя и видела, что Атли растерян. Вот тогда он решил обратиться к той, кого викинги величали валькирией и почитали как королеву, хотя за глаза и звали ведьмой. Явившись в Руан с войсками, она сражалась как истинный герой, и Эмма невольно восхищалась ею. Снэфрид добилась победы, обратила в бегство данов и отстояла владения своего мужа.

За этим последовала казнь угодивших в плен викингов-бродяг. Кроважандность Снэфрида была непомерной, но Атли не посмел препятствовать ей. Исполняя обязанности правителя в отсутствие конунга, он, облаченный в венец и мантию, занял место на галерее дворца, и лишь согласно кивал в ответ на распоряжения супруги брата. Пленных было много, и Снэфрид назначила им страшное наказание. У викингов это называлось «свиньей». Несчастливым выкалывали глаза, вырывали языки, обрезами уши, а после этого рубили по локоть руки и ноги, затем прижигали раны и выбрасывали тела на дорогу за городскими воротами. Запах крови – теплый и тошнотворно сладковатый, с привкусом железа – отвратительным облаком поднимался над площадью перед дворцом. Палачи валились с ног от усталости, и викинги сами довершали их работу. Эмма пыталась уйти, мучимая дурнотой, но её удерживал прибывший из Байе Ботто Белый, который помог Лебязьебелой справиться с незваными гостями:

– Ты собираешься стать одной из наших, Эмма, – твердил он. – Так пусть же люди Ролло не подумают, что ты жалеешь их врагов.

И девушка должна была остаться, борясь с дурнотой. Ботто же, находясь рядом, ворчал в усы, слушая вопли с площади:

– Вот же сосунки, бабы в юбках! Воин только тогда являет себя героем и выказывает презрение к смерти, когда сумеет удержать крик. Поделом! В другой раз разбойники легкой поживы будут знать, что в Нормандии им не уготовано ни славы, ни золота...

Эмма пыталась внушить себе, что те, кто истекает кровью перед нею, всего лишь грубые варвары, алчные бродяги, сеющие смерть и ужас, которых она должна ненавидеть. И все же, когда вопль очередной жертвы слился с пронзительным хохотом Снэфрида, она не сдержалась:

– Святые угодники, прострите длань берегущую над тем, кто доверился этому исчадию преисподней!

Её слова донеслись и до ушей стоявшего неподалеку Рагнара. Эмме было безразлично, передадут ли их супруге Ролло, однако она была крайне удивлена, когда на следующий день её позвали на пир, данный в честь Лебяжьебелой.

Эмма сидела за одним из боковых столов, украдкой наблюдая за воинственной супругой конунга и невольно отводя глаза, когда замечала, что и та, в свою очередь, поглядывает в её сторону. Норманны вздымали пенные роги, осушая их во славу своей предводительницы. Эммой же овладело странное чувство, которое подталкивало ее делать то, что могло бы отвлечь внимание пирующих от Лебяжьебелой: она пела, когда ее просили; была оживлена и шутлива. Когда же Ботто поднял свою чашу в её честь и многие викинги шумно поддержали его, то девушка почувствовала, что ей удалось добиться своего.

Внезапно Ботто придвинулся и, дыша ей едва ли не в лицо, шепнул:

– Девушка, прозвали Птичкой, ты могла бы превзойти Сванхвит!

– Что ты говоришь? Как такое возможно?

Она опомнилась – и испугалась своего вопроса. Острые глазки седоусого викинга из Байе лукаво поблескивали.

– В тебе есть сила, певунья. Я давно заметил это. И знаю, что это ведомо и Ролло. Ты для него нечто особенное. И ты – принцесса франков. Вот если бы ты и Рольв... А Лебяжьебелая... Рольву не нужна эта женщина – и это так же верно, как и то, что он обязан передать свой меч Глитнир не слабогрудому Атли, а прямому наследнику, крови от крови, своему сыну. Вот его-то и не может подарить ему финка. Рольву нужна другая жена, и ею можешь стать ты, клянусь своим смертным часом!..

Эмме было сладко, но и страшно слышать эти речи. Она не знала, что ответить и только смотрела на Ботто, пока... он не исчез перед ее взором.

Только позже Эмма поняла, что с ней случилось.

Воистину жену Ролло не зря величали ведьмой. И на том пиру Эмма ощутила силу ее чар, когда под взглядом страшных глаз Снэфрида внезапно начала задыхаться воздух вокруг нее стал тверже железа, а какая-то неведомая сила, налетев, ударила её, опрокинула и едва не расплющила. Ей показалось, что еще миг – и она умрет... Не оказись рядом Ботто, Снэфрид уничтожила бы её, как ничтожную букашку.

Позже, когда она пришла в себя в своем покое, рядом с нею находились Атли и Ботто.

– Я ведь предупреждал тебя, чтобы ты остерегалась Снэфрида! – укоризненно твердил Атли. – Она не человек, и это всем известно. Только Ролло, одурманенный её волшебством, не желает поверить в это.

Эмма коснулась языком пересохших губ. Грудь, горло, лицо все еще болели, как после удара о землю при падении. Слова давались с трудом.

– И тебе не жаль брата, Атли? Почему ты позволяешь ему злиться с дьяволицей?

Атли в ответ сокрушенно качал головой в венце.

– Никто ничего не может изменить. Людям не дано разорвать нить норн... Снэфрид никогда не причинит зла Ролло. Она даже помогает ему, когда нужно.

Находившийся тут же в покое Ботто ухмыльнулся, хлопнув Атли по плечу, и кивком указал на дверь:

– Ступай, успокой народ в зале, парень. А я пока поболтаю с этой лозой покровов.

Когда Атли покорно удалился, Ботто желчно заметил:

– Его брат никогда не позволил бы выставить себя вот так за дверь. Клянусь памятью предков, из Атли никогда не выйдет правителя, подобного сыну моего друга Пешехода. И пусть меня сплющит молот Тора, если я ошибаюсь!

Он улыбнулся недоверчиво глядевшей на него девушке.

– Ну что ты так смотришь на меня? Или я не понимаю, кого из братьев выбрало твое сердечко? Тут и руны бросать не надо, чтобы понять – вы с Ролло созданы друг для друга, как ножны и клинок. И конунг думает о тебе. Слыхивал я, что он даже везет тебе из Бретани какой-то чудесный подарок...

...Вспоминая все это, Эмма вздохнула, заворочавшись под тяжелым мехом. Подарок... Голова гнусного Гвардмунда... Нечего сказать, осчастливил её Ролло Нормандский этим подарком! Сам же умчался к своей жене. А от Эммы только одного и ждет – соединить ее с Атли...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.